

КОНСТАНТИН ХАРСКИЙ

ОСТОРОЖНО,
ДВЕРИ
ОТКРЫ-
ВАЮТСЯ

РОМАН-ТРЕНИНГ

О ТОМ, КАК
МАСТЕРСТВО ПРОДАВЦА
МЕНЯЕТ ЖИЗНЬ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 821.161.1-94:339
ББК 84(2Рос=Рус)6-44+65
Х21

Харский, Константин Викторович.

Х21 Осторожно, двери открываются : роман-тренинг о том, как мастерство продавца меняет жизнь / Константин Харский. — Москва : Эксмо, 2022. — 544 с. — (Б.Истор).

ISBN 978-5-04-167755-8

Матвей не хватал звезд с неба. Работал обычным верстальщиком в издательстве и искренне не понимал, как люди умудряются сколачивать состояния.

А потом в его жизни произошло событие, заставившее Матвея по-другому взглянуть на собственную жизнь. Он заключил пари, согласно которому должен был заработать миллион за год. Но как это сделать, если твоя зарплата — 30 000 рублей в месяц? Выход один — сменить профессию.

Эта книга — идеальный тренинг по преобразению своей жизни с помощью мастерства продавца.

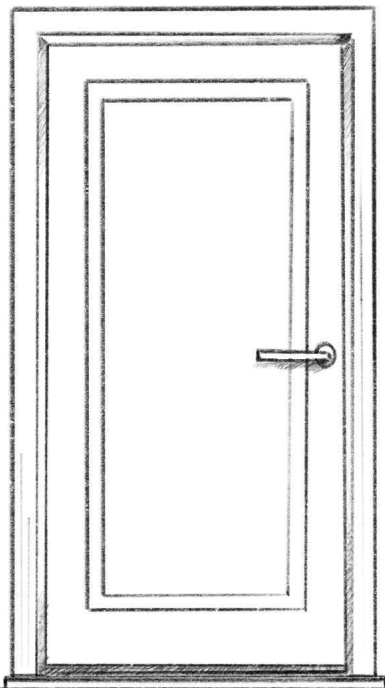
УДК 821.161.1-94:339
ББК 84(2Рос=Рус)6-44+65

ISBN 978-5-04-167755-8

© Текст. К. Харский, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1. СТАВКА	11
ГЛАВА 2. КЛИЕНТ ВСЕГДА.....	43
ГЛАВА 3. ЧЕГО РАДИ.....	157
ГЛАВА 4. КАКОЙ ЦЕНОЙ	325
ГЛАВА 5. ЧЕМ ЧЕРТ НЕ ШУТИТ	419
ВСТРЕЧА С АВТОРОМ КНИГИ	541
КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ ХАРСКИЙ.....	541

ПРЕДИ-
СЛОВИЕ

Сколько сам занимаюсь продажами, всегда хотел написать книгу о человеке, который становится продавцом. Примерно с 1994–95 года. Три раза начинал и три раза выбрасывал написанное. Перед вами – четвёртая попытка осилить тему становления продавца. Мой опыт показывает, что продавцом может стать каждый из нас. Только должны сложиться условия. Нужны особые обстоятельства жизни. Тот, у кого всё есть и кто не хочет большего, продавцом не станет. Однако хотеть недостаточно – нужно узнать технологию. Как в любой профессии. Кузнец не куёт наугад. Водитель не управляет машиной наугад. Бухгалтер не записывает цифры наугад. Так и продавцу надо узнать технологию работы. Хотеть и знать технологию недостаточно. Продавец должен найти наставника, который передаст ему невысказанную суть работы то, что в учебниках не может быть описано. Нет таких слов.

Я хотел показать профессию продавца во всей её красоте и могуществе. Знаю, что сейчас, до прочтения книги, многим в это непросто поверить. Но я горжусь тем, что причисляю себя к продавцам. Мне нравится наблюдать за работой хорошего продавца. Мне стыдно за коллегу, который не любит, стесняется, стыдится продавать и поэтому только портит дело. Хочется посоветовать такому продавцу: отойди, хотя бы не мешай, они сами всё

Осторожно, двери открываются

купят. Не можешь делать жизнь людей лучше — ну так не делай её хуже. Не лги, не злоупотребляй доверием.

Хочу, чтобы продавец, прочитав эту книгу, захотел передать её другому и сказать: «Вот почему я посвятил себя продажам».

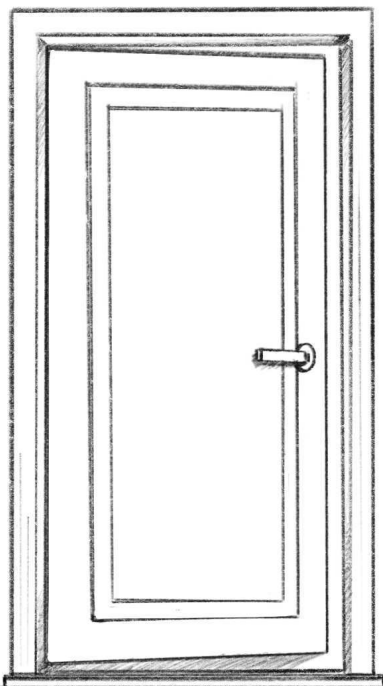
Благодарю всех, кто так или иначе способствовал появлению этой книги. Вас много! Очень много! Благодарен каждому.

Буду рад вашим письмам.

Ваш Константин Харский

kv.harsky@gmail.com

Книга основана на реальных событиях. Все герои придуманы автором от имени и внешности до мыслей и поступков. Все совпадения в именах, названиях и местах действия случайны.

Глава I
СТАВКА

Человек не проживает жизнь, к которой готовился.
Человек не проживает жизнь, о которой мечтал.
Человек не проживает жизнь, которой достоин.
Человек проживает жизнь, на которую решился.

Ночной город. Спальный район. Редкие прохожие. Матвей родился в этом районе и прожил здесь двадцать пять лет, но чувствовал себя неуютно. Он хотел поскорее очутиться дома, но прежде надо было зайти в магазин и купить что-то на ужин. Брат, Пётр, уехал на целую неделю в командировку, поэтому об ужине приходилось беспокоиться самому.

Матвей зашел в магазин. В магазине было пусто. Девушка за кассой и никого в зале. Матвей прошёлся вдоль полок. Он не знал, чего ему хочется, но понимал, что уснуть голодным будет непросто.

«Одних фруктов будет недостаточно, — думал Матвей. — Почему бы им просто не сделать такие наборы: “Еда на ужин”, “Еда на завтрак”, “Ужин для одинокого”, “Ужин для верстальщика”...»

— Молодой человек, вы будете покупать или так смотрите? — спросила кассирша. — У нас рабочий день заканчивается.

Матвей посмотрел на часы. Без двенадцати минут десять.

— Сейчас куплю. У меня ещё двенадцать минут есть.

Кассирша взяла свой мобильный, набрала номер и сказала в трубку:

— Сашик, тут какой-то хам грубит и угрожает. Ага, походи с ребятами.

Матвей сначала удивился: «О ком она говорит, если мы в магазине вдвоём?», а когда из подсобки вышли трое и, нагло улыбаясь, направились к нему, то Матвей понял, что хамом кассирша назвала его, и испугался. Он повернулся к полке и взял печенье, которое оказалось напротив его глаз.

— Поклади на место. Ты чего тут свои правила решил утвердить? — один из парней стоял рядом с Матвеем, дерзко смотрел на него и ждал любого ответа, чтобы придраться к сказанным словам. Матвей знал такое поведение, но избегал драк и, как любой, кто не умеет и не любит драться, считал, что любую проблему можно решить словами.

Матвей положил печенье на полку и направился к выходу.

— А ну, стоямба! Кто дал команду уходить? Как ты печенье положил, урод?!

Матвей посмотрел на печенье: оно лежало в точности так, как и раньше. Матвей молча пошёл на выход.

— Стоять, на. Ты чё так себя ведёшь? Нагрубил нашей Гале и в кусты. Кто отвечать будет за базар? Стоять, я сказал!

— Я разве грубил вам? — Матвей обратился к кассирше.

— Ты теперь не с ней, ты теперь со мной дело имеешь. Сюда говори. Здесь твоя судьба решается.

Матвей смотрел на кассиршу в ожидании, может, она скажет своим защитникам, что погорячилась, ничего не было, это всё шутка и уже достаточно. Однако Галина, похоже, сама с любопытством ждала продолжения: скучный день, монотонная работа — её можно понять. Матвей не хотел развлекать эту компанию. Ему оставалось пройти мимо кассы. Ещё несколько метров до двери и там, на улице, направо метров сто пятьдесят, его дом, но один из подручных Сашика опередил его, забежал вперед, закрыл дверь на замок и повернул табличку. Закрыто.

— Проси прощения у Гали, — Сашик разминал кисти рук, похрустывая пальцами.

— Извините. Я не хотел вас обидеть и не знаю, что я сделал не так.

— Ты напрасно родился. Не надо было рождаться, понимаешь? — впервые один из подручных Сашика подал голос.

— Видишь, Галя не прощает тебя. Ведь не прощает, Галя? — Сашик улыбался во весь рот. Он чувствовал себя главным. И ему, и Галине это нравилось. Даже друзьям Сашика нравилось видеть его главным. Матвей понял, что без драки ему не уйти отсюда. Мозг напряженно работал в поисках выхода. Попросить прощения у всей компании? Это ничего не даст. Один против трёх хулиганов? Секция плавания, на которую его с таким энтузиазмом водила мама, сейчас не поможет. Не уплыть!

— Что вам надо? — Матвей обратился к Сашiku.

— Ты задержал нас. Магазин закрылся. Из-за тебя мы работаем сверхурочно. Хозяин нам за это не заплатит, на. Может быть, ты оплатишь сверхурочную работу?

— Я не оставлял вас сверхурочно и не делал ничего такого.

— Какого? Какого ты тут мямлишь? Говори, как человек. Виноват — отвечай. Давай нам по тыще, получи в бубен, чтобы не забыть урок, и двигай к маме.

— Я не собираюсь давать вам деньги, — в горле предательски пересохло. Матвею приходилось говорить через силу. — Я не сделал ничего такого. Я просто хотел купить фрукты. На ужин.

Парни засмеялись складываясь пополам, переглядываясь и тыча в Матвея пальцем.

— Фрукты? У тебя баба-то есть, нет?

— Резиновая!

Снова раскаты смеха. Матвей видел, что обстановка разряжается, вздохнул с облегчением и двинулся к двери с намерением открыть её и выйти на улицу.

— Ты куда, петушок? Мы не закончили. Мы даже ещё не начинали. Деньги ты не дашь. Это понятно. Мужик сказал... — Сашик многозначительно посмотрел на Галю, — мужик сделал. Чёрт с ними, с твоими деньгами. Дай нам хоть побить тебя. Чутка. Для удовольствия. Если ты тряпка, то ложись на пол. Буду бить ногами. Если мужик — стой, пока можешь. Ну правда всё равно потом — ногами. Без этого никак нельзя. Голову не закрывай, тогда по голове бить не буду.

Матвей попятился к стоящим корзинам и взял одну из них.

— Хочешь с оружием драться? Не засышь меня убить этой корзиной? Не? Тогда я тоже свой ножичек достану? Начнём?

— Сашик, не хватало ещё в магазине кровью всё перепачкать! Идите на улицу, там деритесь. Мне надоело, — в голосе Гали появились нотки страха. Если что-то серьёзное произойдёт в магазине, ей несдобровать. А если на улице — знать ничего не знаю.

Подручный, который стоял у двери, по кивку Сашика открыл дверь и пригласил Матвея на выход. Матвей поставил корзинку на пол, сделал два шага к двери и побежал. Он выскочил на улицу, круто повернул направо, чтобы его не мог схватить сообщник Сашика, прикуривавший сигарету, и побежал к дому. Из-за шума своих шагов, из-за громкого дыхания, из-за колотящегося сердца Матвей не мог понять, есть ли за ним погоня. Он решил, что, когда выбежит на свет возле дома, оглянется и, если есть погоня, побежит дальше, пока не встретит хоть кого-нибудь. Выбежав на освещённое место, Матвей оглянулся. Погони не было. Хулиганам и этого было достаточно. У них теперь на неделю есть темы для разговоров. Как она позвонила. Как они вышли. Как он мямлил. И, конечно, как он убежал.

* * *

Закрыв за собой дверь, Матвей ещё некоторое время сидел на тесной кухоньке в темноте. Дыхание восстановилось. Сердце успокоилось, и только мысли бушевали. Не надо было с ними разговаривать! Надо было сразу выйти из магазина. Надо было ему сказать, что нормальные люди сначала всё выясняют, а потом за нож хватаются! Надо было дать ему в морду, и будь что будет!

Матвей знал, что теперь несколько дней он будет изводить себя мыслями о том, как мог бы повести себя. О том, как повёл бы себя Сашик, если бы Матвей был не один, а, например, с парнями из группы, из института. Или о том, что было бы, если бы Матвей мог драться. Он бы при этой Гале уделал её любовничка так, что ему точно потребовалась бы скорая помощь.

Матвей заварил чай. Была ещё крупа. Но каши Матвей не хотел.

Матвей задумался, почему он такой, почему его жизнь складывается именно так? Почему какой-то гопник имеет над ним такую власть? Что, он больше других боится боли? Нет. Он боится унижения? А это разве не было унижением? Матвей сам не заметил, как погрузился в дремотное состояние, и вспомнил, как он учился ездить на велосипеде. Упал. Плакал. Как кто-то потом сказал: «Нет, Матвейюшка не любит велосипеды. Он с них падает и разбивается». Чей это был голос? Матвей не мог вспомнить. Наверное, это или бабушка, у которой он гостил, или мама. Скорее всего, бабушка. Та была боязливой, опасливой. Всё, по её мнению, было страшно, опасно, вредно. И бо-бо!

Слишком просто представить, что у Сашика не было бабушки, которая бы заботилась и говорила: «Больно будет, страшно там, не ходи». Если бабушки не было — тогда понятно. А если была и тоже страшила? Что Сашик ей отвечал? «Наверняка, — думал Матвей, — Сашик

может кататься на велосипеде. Пусть лет двадцать не катался — главное, что может. А я — нет. Страшно падать! Страшно падать, а не могу кататься. Какая-то несправедливость. Ну, если тебе страшно падать — учишься не падать, при чём тут катание? Это всё равно, что бояться чайника и не завтракать. Боишься чайника, ладно, можно понять. Он опасный, горячий и норовит опрокинуться. Боишься чайника, ладно, бойся. Тогда завтракай соком. Зачем так обобщать? Велосипедисты катаются и не падают. Научились кататься и не падают».

Матвей знал, что сейчас ему придёт в голову «свежая» мысль записаться в секцию бокса. Или карате. Или что там ещё есть? Он закончит её и будет, как Стивен Сигал, всех раскидывать. Сигал, наверное, ходит по своей Америке и ждёт, что кто-то его заденет. Обидно, когда умеешь делать болевой прием, а показать не на ком, все от тебя убегают. Матвей горько улыбнулся. Он знал, что никуда не пойдёт. Знал, что ничего не изменится. Знал, что будет обходить этот магазин стороной. Стороной. Стороной.

«То есть сейчас эти хулиганы, даже не избив меня, не нанеся никаких увечий, отняли у меня право ходить той дорогой, которой я хочу ходить?! Это они решили, где мне ходить, а где нет?! Я согласен, что в этом магазине я ничего не буду покупать. Это понятно. Как говорит мой друг Андрей: «Пока этот магазин не мой, я туда ни ногой!» Вообще-то, он так говорит про алкогольный магазин. Купить бы этот магазин и выгнать и Галю, и всю её шайку. Это ведь с её подачи всё началось! Она там заводила». Матвей понял, что отвлекся от какой-то важной мысли. Он не хотел мириться с тем, что хулиганы без боя отняли у него часть территории, по которой он имел полное право ходить. «Нельзя уступать территорию! Так дело дойдет до того, что только квартира будет островком безопасности. Даже не безопасности, а присутствия.

А чтобы присутствовать на другой территории, надо у кого-то спрашивать разрешения. У Гали и Сашика!»

Матвей чувствовал протест внутри. Он не смог бы его описать или объяснить. Почему для него вдруг стала настолько нестерпимой мысль, что по этой конкретной тропинке от автобусной остановки до дома он теперь не сможет ходить? Ну ладно, будет ходить другой дорогой, вокруг пятнадцатого дома, чуть-чуть дальше. Матвей удивлялся, откуда взялась такая решимость. Он понял, что не хочет откладывать до завтра. Он хочет сейчас пройти по этой дорожке и оставить за собой право определять, что ему можно, а что нет. А что, если эти трое ещё там? Пускай, он всё равно пройдёт по тропинке мимо магазина!

Странная смесь страха и решимости. Матвей понял: если он сейчас не сделает этого, если он не пройдёт по дорожке, то что-то внутри него сломается и это что-то будет уже не починить. Даже если будет драка. Даже если его ударят ножом! Нельзя сделать вид, что ничего не произошло, и просто лечь спать. Он пойдёт туда! Он не будет провоцировать драку. Ему нужно пройти до остановки и обратно. Он победит страх и проживёт свою жизнь, а не жизнь, которую ему позволит Сашик, на территории, которую ему оставит Сашик.

«Я справлюсь, чего бы мне это ни стоило. Я не буду бояться! Хватит! Я пойду и сделаю это». Матвей не знал, что такое «это», но был готов сделать всё, что потребуется, чтобы вернуть себе территорию, которую отдал без боя. Он осмотрел себя. Надо переодеться, надеть чистую одежду и снять часы. Крестик! Матвей вспомнил какое-то произведение из школьной программы. Там у кого-то во время кулачного боя крестик то ли повредил грудь бойца, то ли защитил – Матвей не вспомнил.

«Когда вернусь – погуглю», – решил Матвей улыбаясь, ликуя от своей решимости. Крестик решил оста-

вить. Зашёл на кухню. Посмотрел на ножи. Нет, тупые. Брат каждый раз, когда отрезает хлеб, говорит, что надо их наточить. Матвей взял с полки скалку. Смешной, со скалкой. Нет. Враги помрут от смеха, а я буду виновен, и ничто не смягчит мою вину. Пойду так. А что я им скажу? Скажу, что мне на автобус? В это время ходят автобусы? Я не обязан им ничего объяснять! Это мой город! Хочу и хожу. Собачку выгуливаю, вот и побегал, потому что время выгуливать собачку пришло.

Матвей выложил из кармана куртки телефон. Посмотрел на себя в зеркало. Рэмбо. Первая кровь. Середина мая. «Не замерзну. А замерзну, так побегаю», — Матвей снял куртку и, взяв с собой только ключи от квартиры, вышел.

* * *

Бегом спустился с третьего этажа и быстрым шагом, вприпрыжку, как он это делал, когда в младших классах спешил в школу, направился к остановке. Дорожка проходила у входа в злополучный магазин. Матвей знал, что он подойдёт к дверям. Остановится. Заглянет. Дальше будь что будет. Прежнего Матвея, который испугался драки, больше нет. «Бей в кость!», — он не знал, что это значит, но в каком-то фильме один боксёр советовал другому именно это. Кажется, Матвей летел к месту, где, возможно, пройдёт его первая настоящая драка, как будто на свидание. И настроение было такое же. Ликование. Наверное, викинги, наевшись мухоморов, или что они там с ними делали, так же шли на смерть. С ликованием! «Сейчас я сделаю всё, что должен. Они подумают, что брат-близнец пришёл мстить за нанесённую обиду. Пусть думают, что хотят». Магазин в пяти шагах. Витрина светится. «Сейчас зайду и скажу: “Я забыл купить фрукты на ужин...”» Магазин. Дверь. Закрыто.

Табличка «Закрыто». С 8:00 до 22:00. А сколько сейчас времени? Да, я же был тут за несколько минут до закрытия!

— Чё, не хватило?

Матвей мгновенно повернулся на голос. В тени стоял мужчина.

— Чего не хватило? — напрягся Матвей.

— Ну, тебе виднее. Может, водяры. Может, ещё чего.

Матвей понял, что это другой мужчина, гораздо старше тех парней, с которыми ему теперь уже хотелось встретиться.

— Нет. Так, просто.

— Видел, как ты мчался. Как в галюн, кипятком посать. Хочешь анекдот на эту тему?

— В другой раз, — отмахнулся Матвей.

Он решил дойти до остановки и вернуться домой. На обратном пути знатока анекдотов уже не было. Он задумался, а что всё-таки произошло? Если разобраться, этот наезд парней в магазине был комичным, не страшным. Ну не стали бы они драться в магазине. Там камеры везде. Он видел всех. Хорошо запомнил. Не станут же они убивать его и прятать труп? Они были трезвые. Или почти трезвые. Дело в другом. Не в том, что реальной угрозы не было. В чём-то гораздо более значительном. Он будто стал другим человеком, но у него не хватало слов, чтобы объяснить себе, что изменилось.

Детство кончилось. Вот. Правильные слова. Может быть, завтра, или лучше с получки, он купит велосипед и научится кататься. Он больше не боится падать. Нет, вообще-то, всё ещё боится, но Матвей почти осознал страх, который затмил все предыдущие: страх прожить жизнь так, как разрешит Сашик, если Сашик разрешит.

Матвей пришёл на работу невыспавшийся. Он прекрасно помнил вчерашний вечер, но у него оставалось впечатление нереальности произошедшего. Как будто всё случилось во сне или с кем-то другим. Всё казалось полной иллюзией, и только намерение прожить жизнь так, как хочет он, приобрело чёткие черты. Матвей знал за собой такую особенность: до последнего момента откладывать важное решение, потому что, приняв его, он уже не сможет пойти на попятную. Так и в этот раз: Матвей сформулировал правило, которому решил следовать, чего бы это ему ни стоило: «Не бойся!»

Поглощенный мыслями, Матвей сел за стол, запустил программу вёрстки и продолжил проект, за которым вчера задержался до позднего вечера. Это была совершенно скучная реклама курсов по продажам: мужчина с улыбкой старшего Траволты и пустые слова о возможностях, открывающихся, если бла-бла-бла. Матвей проверил точность введённой информации. Убедился, что установлены верные границы модуля, нажал на кнопку «Печать» и открыл следующий проект. Матвей работал на автомате: руки и глаза споро делали дело, а мозг был предоставлен самому себе.

А немного прислушавшись, заметил, что сегодня весь отдел гудел о срочном проекте, который передали из управления. Матвей усмехнулся. Обычно это означало следующее: начальник сейчас вызовет кого-то из сотрудников, долго будет говорить о лояльности и прочей корпоративной чепухе и потом предложит доказать свою лояльность, согласившись поработать по вечерам. Потом наступит время переговоров о вознаграждении. Цифру, которую назовёт начальник, можно будет смело удвоить и потом ещё поднять процентов на 20–30. Переговоры будут долгими, но закончатся в пользу сотрудника. Начальник такой

предсказуемый! Фишка в том, что сначала он тщательно выбирает исполнителя исходя из специфики задачи, а потом говорит, что эту работу можно поручить любому более стоворчивому. В отделе это, кажется, не знал только сам начальник. Здесь главное — держаться своей линии, и он сдастся. Обычно хватает десяти минут.

По всей видимости, сейчас коллектив, имея смутные представления о задаче, которую получил начальник, обсуждал, сколько можно заработать на этой халтуре и кто получит заказ. Ещё неделю назад Матвей присоединился бы к ним, но сегодня ему было всё равно. К его столу подошла Ольга, верстальщица, работавшая в компании со дня её основания. Она была на десяток лет старше, симпатичная и бодрая, всегда в тонусе и на позитиве. Она стремилась найти подход к каждому сотруднику отдела и сделать его своим сторонником. Матвей хоть и не слишком ей доверял, но был одним из них. Ольга облокотилась на стол, приняла выигрышную позу — именно так она становилась, когда что-то хотела, и, приблизив губы к уху Матвея, спросила:

— Малыш, ты же помнишь, что за тобой должок?

— Мы же договорились. С зарплаты отдам. Можешь неделю подождать?

— Малыш, не плачь. Вернёшь с зарплаты. Я о другом. Начальнику принесли срочный заказ. Сейчас он пригласит или меня, или тебя, или Степана, твоего приятеля. Степан откажется от этой работы в мою пользу. Степан — молодец. А ты, малыш? Сделаешь мне приятно?

В другой момент, ещё вчера, Матвей сказал бы «Да». Он отчётливо понимал, что его слабостью снова воспользовались, но был бы не в силах противостоять манипуляциям. Матвей по опыту знал, что Ольга способна на многое: может распусть слухи, настроить против Матвея весь коллектив, придумать ещё миллионы разных вариан-

тов. И дело даже не в деньгах, которых она не зарабатывает, если не получит этот проект. Дело в бунте, на который решился тот, кого она считала своим сторонником. Матвей видел, что она делала с бунтарями прежде, и не хотел такой участи для себя. Боялся встать на её пути. Боялся Ольгу. Ещё вчера он боялся Ольгу. Но не сегодня.

— Нет. Если работу предложат мне, я соглашусь.

— Почему, малыш, ты так сделаешь?

— Мне нужна эта работа.

— Что ты скажешь моим детям? Ты купишь им одежду? Ты оплатишь их летний отдых? Ты меня разыгрываешь? Я поняла! Это шутка такая несмешная. Ха-ха-ха, — она выпрямилась и натужно засмеялась. — Скажи, что это шутка, и я тебя поцелую.

— Нет.

— Что «нет»? Тебе даже не предложили эту работу, а ты уже могилку себе выкопал. Ты это-то понимаешь? Понимаешь, что теперь уже даже неважно, чья это будет работа? Ты уволишься отсюда до конца месяца. Я тебе обещаю. Верни долг, кстати, сопляк!

Матвей, к своему удивлению, даже не испугался. Ольга из большой и страшной превратилась в маленькую и злую. Она и её угрозы больше не волновали его.

* * *

— Круглов, как там тебя... Матвей! Зайди, — начальник выглянул из кабинета и снова закрыл дверь.

— Ты труп, Круглов, — сказала Ольга в наступившей тишине.

— Сама ты Круглов, — сказал Матвей Ольге и вышел из-за стола. Фамилия Матвея была Углов, но начальнику шутка «Углов — Круглов» казалась невероятно забавной. Матвей был уверен, что его взяли на работу, чтобы вот так вре-

мя от времени шутить. Начальник любил рассказывать, что в молодости работал пиарщиком у одного видного политика, а там ещё и не такое выдумывал. В целом Сергей Сергеевич был нормальный мужик. Время от времени. Но не тогда, когда дело касалось работы, денег, отношений в коллективе, дисциплины, учтивости, алкоголя, обязательств. Список можете продолжить сами. Не ошибётесь.

— Добрый день, Сергей Сергеевич.

— Садись, — не глядя на него, махнул рукой начальник.

Он любил нагнать важности. Жалко, что делал каждый раз это одинаково: вызывал сотрудника, усаживал и начинал рыться в бумагах на столе, читать целые страницы или что-то чертить. Черчение сопровождалось шевелением губами и густыми усами. Интересно, он знает, насколько смешно выглядит? Кажется, он был единственным на прошлом новогоднем корпоративе, кто не понял шутки, когда один из сотрудников отдела что-то бубнил себе под нос и шевелил бутафорскими усами.

— Один момент, тут письмо важное от акционера. Это, как ты понимаешь, игнорить нельзя. Илья Викторович ждёт.

Сейчас начнёт спектакль. Скажет: «Так. Ну это понятно. Вот это задачка! Замечательно. Угу. Угу. Что ты на это скажешь, Матвей? Это не макетики верстать. Это политика!» Потом скажет: «Ты в курсе, что всё, что прозвучит в этом кабинете, должно остаться между нами? Ты слово дал». Вообще-то, Матвей не давал слова. Однако фраза о каком-то обете молчания звучала часто. Очень часто. В последние разы Матвей уже прекратил отрицать якобы данное обещание. Так что получается, он смирился с обещанием молчать. Означает ли это, что он дал слово молчать?

— Так. Всё должно остаться между нами. Многие хотели бы получать письма от акционера, в которых он что-то просит. Знаешь, что это значит?

— Вообще-то, нет.

— Это потому что молодой. Сколько тебе?

— Двадцать пять.

— Это не важно. Важно, что когда кто-то к тебе обращается с просьбой, то в этот момент у тебя появляется власть над этим человеком. Понимаешь, власть! Ты можешь выполнить его просьбу, а можешь не выполнять. Всегда ведь можно найти убедительную причину. В твоей власти выполнить просьбу наилучшим образом. А можно кое-как. Вот если бы к тебе напрямую обратился Илья Викторович, ты бы выполнил его просьбу?

— Конечно.

— Вот. А ты бы понял, что у тебя есть власть над акционером?

— Я не думал об этом.

— Вот. Это потому что молодой. И пока ты молод, акционер с просьбами обращается ко мне, к твоему начальнику. А к моим просьбам ты как относишься?

— Нормально.

— А ты чувствуешь, что имеешь власть надо мной, когда я обращаюсь к тебе с просьбой?

— Не особо, если честно.

— Ну и хорошо. У меня для тебя задание. Запиши. В папке «Проекты Углов» лежит архив. С сегодняшней датой создания. Пароль — «Круглов» маленькими латинскими буквами. Перенеси архив на свой компьютер. Посмотри техническое задание. Если будут вопросы — напиши мне письмо. Я сам перешлю. Потом получишь ответы. От меня. Работу надо сделать до конца месяца. Оставайся на работе, бери помощников. Делай что хочешь. Приоритет чувствуешь?

— Я понял.

— Ну, это навряд ли. Я буду контролировать каждый этап. В конце дня пишешь мне на почту краткую справку — что сделано, процент готовности. Вопросы?

– Нет.

– Свободен. В смысле, начинай.

– А оплата?

– Какая еще оплата?! Ты зарплату не получаешь? Иди работай, не теряй время понапрасну.

– Рабочий день у меня с 9 до 17. Мне уйти с работы в 17:00?

– Не хами, Круглов. Тебе кто доверие оказал? Иди оправдывай.

– Отдайте этот проект Ольге. Она сильно хотела им заняться. В ближайшее время я не могу оставаться по вечерам.

Сергей Сергеевич скривился при упоминании Ольги.

– Ладно, я тебе премию выпишу в этом месяце.

– Само собой, – сказал Матвей, оставаясь сидеть, где сидел.

– Чего ты хочешь ещё?

– Плату за проект. Скажите условия, я посмотрю на объём работы и завтра скажу, сколько добавить к той сумме, которую вы сейчас назовёте.

– Иди, посмотри проект и скажи сумму. И не зли меня, Круглов.

– Вы знаете, я решил, что каждый раз, когда вы ошибаетесь в моей фамилии, это будет стоить акционеру пять тысяч рублей. За сегодня Илья Викторович потерял пятнадцать тысяч. Продолжим?

– Это же шутка, Круглов! Чего ты? Обиделся, что ли?

– Сергей Сергеевич, вы – не моя женщина, поэтому обидеть меня не можете. Сумма увеличилась до двадцати тысяч. Желаете продолжить?

– Так, ладно. Тормози. Давай начнём сначала.

– Мне выйти и зайти снова?

– Тормози, Матвей. А то мы ни о чём не договоримся. Давай так, за проект я тебе плачу тридцать тысяч.

Плюс премия в размере двадцати процентов. Договорились?

— Сергей Сергеевич, я услышал вас. Подведём итог по договоренностям. Двадцать тысяч штраф. Тридцать за работу. Двадцать процентов премия за этот месяц. Ничего не забыл?

— Иди работай, — сказал Сергей Сергеевич, захлопывая книгу на столе.

* * *

— Илья Викторович, беседа с вами — истинное наслаждение. И умеете вы так вопрос повернуть, что вроде я был против, а все мои аргументы вроде как бы и за. Как вы это делаете? — спросил мужчина в сером костюме, усаживаясь в глубокое кресло напротив хозяина кабинета.

— Это игра такая. Делать жизнь окружающих.

— Делать жизнь. Какая чудесная форма проведения времени, — мужчина кивнул, потянулся к журнальному столику и взял бокал. — Прекрасный коньяк. Когда вы уже бутылку покажете, скажите, друг мой?

— В другой раз, в другой раз, Алексей Алексеевич, — усмехнулся Илья Викторович.

— Ну, тогда расскажите хоть немного об игре.

— Это я могу. Вы берёте человека и меняете его жизнь — в меру сил, конечно, и в меру совести. Сделать жизнь сложнее не составляет труда: просто поставьте задачу подчинённому, причём максимально противоречиво, а потом скажите, что он негодяй. И, если хотите совсем сорвать ему резьбу, выдайте хорошую премию.

— А правила хоть какие-то есть?

— В любой игре есть правила, и пока ты играешь по ним, ты можешь выиграть. Как только нарушаешь —

тебя выкидывают из-за стола. Ты даже не поймёшь, что произошло. Просто видишь, как жизнь проходит мимо, а ты на обочине. Есть, правда, ещё один уровень в этой игре — определять правила, по которым играют все. Но этот уровень не для меня, там может быть кто-то один.

— Кто же?

— Никто не знает. Это часть правил. Может быть, это вы. Или я. Или тот, кто следующим зайдёт в этот кабинет.

— Я хотел бы сесть за стол и поиграть.

— Дорогой мой, вы давно в игре. В тот день, когда вы впервые вошли в этот кабинет, вы оказались за столом.

— И я, судя по всему, пока играю по правилам... Даже не зная их.

— Так проверяется ваша способность к выживанию, мой друг. Но давайте сменим тему. О правилах не следует говорить открыто, и вообще они любят проявляться, но не быть выявленными.

— Илья Викторович, скажите, вы можете взять человека и сделать его успешным политиком?

— Вы хотите похлопотать о ком-то конкретном?

— Нет, что вы, я бы не осмелился. Меня интересует скорее сама возможность. Знаете, граф Калиостро, любовь на седьмой день и всё такое.

— Покажите мне человека. Он должен обладать задатками, но это вторично. Есть два главных условия: у него должна быть страсть, и, второе, я должен захотеть изменить его жизнь. Без его страсти мне нечего будет разжигать. Без моего желания мне нечем будет зажигать.

— А бывает ли так, что человек приходит, и вы видите: это готовый политик?

— Да, такое часто случается, — кивнул Илья Викторович. — Возьмёт человек да и разглядит сквозь туман бу-

дущего, как надо жить. Если уверует в видение, примет свою роль в реализации этого будущего, отказавшись от персональной судьбы, и свяжет свою жизнь с исполнением мечты, то политик готов.

— Так просто?

— Сказать просто, а увидеть будущее, ради которого можно забыть самого себя, непросто. Очень непросто. Вот вы бы взяли и попробовали. Знаете, как было бы для вашего министерства полезно? И министра бы своего вовлекли в реализацию этого будущего. Только помните, по условиям игры алтарь из себя надо будет сделать.

— Жуть какая. Я лучше пока в замах похожу.

— Походите. Пока ходите, надежда у нас остаётся.

* * *

Когда Матвей зашёл в кабинет начальника, Ольга с призывом: «Угощаю» пригласила коллег выпить кофе на первом этаже издательства. Отдел опустел.

— Кофе за мой счёт, — крикнула Ольга бармену, когда все спустились в кафе. «И так?».

— Что вы об этом думаете? — Ольга окинула взглядом собравшихся.

— Ты про Матвея? Да не обращай внимания. Он психанул. С кем не бывает, — отмахнулся Степан, приятель Матвея.

— Заткнись, ты ничего не знаешь. Думаешь, почему Матвей так себя ведёт? — Ольга начала готовить фундамент для будущей интриги.

— Почему? — Анечка подвинулась ближе к Ольге.

— Маленькая про такие вещи слушать. Ладно, не обижайся, видишь, как он меня достал, на друзей бросаюсь, — Ольга вовремя заметила, что чуть не перегну-

ла палку с Анечкой. Анечка работает недавно и ещё не полностью под контролем. Не настолько, как Степан, Матвей и прочие. Правда, с Матвеем система дала сбой. Так бывает время от времени и надо или исправить ошибку, или удалить дефект из системы. Из этого удаления Ольга ещё и поучительную историю сочинит. Это она может. Основа будет взята из реальной жизни. Мотивы Матвея будут искажены. Себе Ольга отводила роль освободительницы от скверны. Технология была уже отработана.

— Так чего ты хочешь? — спросил Стас.

— Я хочу, чтобы всё правильно было. Чтобы всё было по справедливости. Если мне эта работа достанется, то я и вам дам заработать. Не в одну харю, как Матвей.

— В прошлый раз в одну харю и сделала, ни с кем не поделилась, — сказал Степан, опустив голову и не желая стать объектом агрессии. А в том, что ответ не заставит себя долго ждать, можно было не сомневаться.

— А ты всё о деньгах беспокоишься?! Отношения для тебя ничего не стоят? Ну так и иди отсюда! Иди к своему Матвею. Поженитесь, два холостых голубка. Матвей говорил, как вы отпуск провели. Хочешь, всем расскажу?

Рассказывать было нечего. Неделя на море. Купались, загорали. Знакомились с девчонками. Тусили. Рассказывать было нечего. Но то, как возможный рассказ был подан публике, оживило ситуацию, и Степан оказался в ловушке. Что бы он сейчас ни сказал, всё будет обращено против него. Он встал, обвёл взглядом коллег и сказал:

— Я ухожу. Знаю, что вы сейчас здесь будете меня обсуждать. Мне плевать. Всё, что скажет теперь Ольга, — ложь. И каждый из вас должен понять: когда вы уйдёте, с вами произойдёт то же самое. Ольга не может расставаться с людьми по-человечески. Она будет говорить обо мне и Матвее, а вы представляйте на нашем месте

себя, поскольку те же истории она будет рассказывать через год или меньше о вас. Я готов общаться с каждым из вас и с тобой тоже, Ольга, но ты должна будешь сначала извиниться. И поскольку для тебя это немыслимо — прощай, не здоровайся со мной больше, я не отвечу. Не спрашивай меня ни о чём — я не знаю ответов ни на один из твоих вопросов.

Степан вышел в полной тишине.

— Ничего не понял, взял и всё испортил. Смотрите, я хотела только показать Матвею, что неправильно противопоставлять себя коллективу. Мы должны жить дружно, разве я неправа? Если каждый будет ставить свои условия, что за атмосфера у нас сложится? Я нормально отношусь и к Матвею, и к Степану, что бы он там себе ни напридумывал, — Ольга на ходу меняла план действий. — Ладно, хватит отдыхать. Пошли работать.

* * *

Матвей вышел из кабинета начальника. К этому времени все сидели за рабочими столами и занимались каждый своим делом, лишь только несколько человек обратили на него внимание. Степан крикнул через весь кабинет: «Как поговорили, Матвей?»

— Нормально, — кивнул Матвей и, испытующе глядя на Ольгу, добавил: — У меня новый проект.

— Согласился? — усмехнулась та.

— Да, — Матвей сел на место.

— Правильно. Если так посмотреть, то ты лучше всех справишься с работой, — неожиданно согласилась Ольга и отвернулась, будто её больше не интересовал ни Матвей, ни новый проект.

— Я ещё не знаю, в чём там задача, — зачем-то добавил Матвей, будто хотел оправдаться.

— Да какая разница? Мы тут пообщались и пришли к выводу, что эта работа — твоя, а мы все, если ты захочешь, сможем тебе помочь. Только скажи.

— Хорошо, спасибо.

Все вернулись к своим делам, и только Степан сидел ошарашенный таким поворотом событий.

На время обеденного перерыва отдел опустел, и только Матвей остался на своём месте. Работы было действительно много. К завтрашнему дню ему нужно определиться, сколько времени займёт проект, и после этого он мог бы решить, нужна ли ему помощь, и следует ли ему попросить дополнительных денег за работу. Ближе к концу обеденного перерыва в кабинет вернулся начальник, но не один, а с миловидной девушкой чуть старше двадцати лет. Они подошли к столу Матвея, Сергей Сергеевич рассказывал спутнице об отделе и отсутствующих сотрудниках и сопровождал свои слова жестиком куляцией, со стороны похожей на лезгинку. Особенно хороша была спутница. Как и положено в этом танце, девушка была холодна, неприступна и далека от прозы жизни.

— А это лучший сотрудник, Матвей Кр... Матвей Углов. А это Калина. Наша новая сотрудница. Будет проходить стажировку. Знакомьтесь.

Калина кивнула и снова посмотрела на начальника.

— Вот твой стол. Располагайся. Сейчас придут айтишники, сделают тебе профиль, и начнёшь знакомиться с работой. Если возникнут вопросы, обращайся к Матвею, — начальник перевёл взгляд на него. — Матвей, можешь новенькой войти в курс дел?

— Без вопросов.

Начальник скрылся за дверью своего кабинета.

— Ты верстальщица? Имеешь опыт? На чём работала? — попытался наладить диалог Матвей.

– Опыт небольшой. В институте кое-что делала.

– К нам по благу? Сюда зелёных не берут, – Матвей осторожно прощупал почву.

– Я на практику. Неделю или чуть больше.

– Хорошо, обращайся по любым вопросам.

Калина подняла бровь, посмотрела на Матвея и улыбнулась, как ему показалось, из вежливости. В офис потянулись сотрудники с обеда, и так получилось, что по мере того как они заходили, Матвей знакомил всех с Калиной. Подошла к её столу и Ольга.

– Ольга. Я тут типа профсоюзного лидера. Так, Матвей? Если какие вопросы, сложности, кто обижает или не обижает, а должен был бы... Да, Матвей? – Ольга выдержала минутную паузу и продолжила. – Это – сразу ко мне. Мы тут все дружно живём. Ты к нам надолго?

– На неделю.

– Как говоришь, тебя зовут?

– Калина.

– Калина? Странное имя. Давай мы тебя Галя, Галина, звать будем, – по-свойски предложила Ольга.

– Устанете, – Калина посмотрела Ольге прямо в глаза.

– В смысле «устанем»?

– Устанете звать, я только на своё имя отзываюсь. А вы, Ольга?

– Непросто тебе будет, Калина, если иголки прятать не научишься, – усмехнулась Ольга. – Верно, Матвей?

Не дожидаясь ответа, она направилась к своему столу.

Калина в течение дня много раз заходила в кабинет начальника, общалась с айтишниками, несколько раз обращалась к Матвею, а за полчаса до окончания рабочего дня сказала: «Коллеги, прошу вашего внимания!» Народ восторженно, все выжидающе посмотрели на новенькую.

— Сегодня у меня первый рабочий день в вашем коллективе. Я не успела ни с кем пообщаться: пока компьютер настроили, пока формальности разные уладила, а мне бы очень хотелось познакомиться, подружиться. Есть здесь рядом какое-нибудь заведение, где можно было бы посидеть, чего-нибудь выпить, поговорить, а?

Все сотрудники посмотрели на Ольгу. Почти все. Матвей задумчиво посмотрел на Калину: напрасно она не посоветовалась, он сказал бы, что нужно сделать, если она действительно хочет выстроить отношения.

— Ну, у нас так-то свои планы. Надо было предупредить, — холодно сказала Ольга. — Да и не пьём мы посреди недели.

Народ, поняв, что команды «отдыхать» не будет, вернулся к своим делам.

— А у меня есть время. Я готов, — вдруг вызвался Матвей. Ему хотелось поддержать девушку, которая выглядела так, словно была готова расплакаться. — Степан, ты как?

— У меня планы, я бы стопроцентно пошел, — буркнул Степан и резко засобирался.

Ольга улыбнулась, радуясь маленькой победе.

* * *

Матвей и Калина спустились в кафе «И так?», расположенное на первом этаже издательства «Зенит».

— Вы вдвоём будете? — спросила на входе девушка.

— Мы сами выберем столик, — отрезал Матвей.

Он часто не понимал этого навязчивого сервиса. Вот и сегодня вопрос вызвал раздражение. Ему казалось, что перед ним снова стоит «Сашик» и командует, куда можно ходить, а куда — нельзя. Матвей показал на столик в углу, и они направились к нему.

— Ты не будешь против, если я позову друзей? — улыбнулась Калина. — А то вдвоём как-то грустно праздновать первый рабочий день.

— Конечно, зови. Зато ты сразу поняла, в каком коллективе тебе придётся работать.

Калина сделала пару звонков, убрала айфон в сумочку и взяла меню.

— Что ты здесь берёшь?

— Обычно кофе. Но сегодня, по случаю такого праздника, думаю, можно и пива выпить.

— Согласна.

Они сделали заказ.

— Расскажи про себя. Кто ты? Где ты? Что за имя у тебя такое интересное?

— Мне нужно время. Я разговорюсь. Спасибо, что поддержал меня, если бы не ты, я бы изгоем себя почувствовала. Сложно вы живёте.

— Ты в сложный момент попала. Я сегодня поругался с Ольгой, а она, видишь ли, лидер у нас, и большинство ей в рот смотрит. Только несколько человек сами по себе.

— А ты?

— Так вышло, что сегодня я вышел из-под её влияния, за несколько часов до твоего прихода. Если бы не это, то сейчас здесь сидел бы весь отдел вместе со мной.

— По поводу чего скандал?

— Да, понимаешь, там один проект дали в отдел, работа по которому оплачивается дополнительно. Ольга уже нацелилась на него. Подошла подговорить меня, чтобы я отказался, если Сергеич предложит мне, а я решил — хватит ей моей жизнью распоряжаться. Мамочка нашлась! Всё хочет решать и контролировать.

— Может, тебе извиниться и всё? Зачем тебе такие проблемы? Мне-то что, я пройду практику и вернусь к своему бизнесу, а тебя Ольга не простит.

— У тебя свой бизнес?!

— Мы вдвоём. У нас антикафе. Слышал? У стадиона.

— Не, не слышал. Зайду обязательно. А чего ты к себе не позвала?

— Чтобы я в такой обстановке ещё и про собственный бизнес сказала? Шутишь? Я молодая или глупая?

— Согласен.

— Да там особо хвалиться нечем. Пока научились в ноль выходить. Потом расскажу, — Калина махнула рукой и радостно воскликнула: — О, вот и мои друзья.

На пороге кафе, осматривая помещение, стояла шумная компания молодых людей и девушек, одетых в модную одежду. Матвей смутился: его джинсы модели а-ля 90-е, футболка с ближайшего магазина на рынке и андроид трёхлетней давности ясно дали понять, что среди них он чужой. Кроме того, он явно был старше их. Все представились, но Матвей запомнил имя только одного парня, Влада, который подошел к Калине, обнял и поцеловал, как целуют любовники. Это был серьёзный соперник: дорогие часы, модные джинсы, стрижка, хипстерская бородка, смартфон... Наверное, и машина есть. Матвей ступевался.

Ребята весело переговаривались друг с другом о том, кто что видел, читал, слышал, заказали пива. Влад поделился с друзьями, как искал инвестора на свой новый стартап, и сегодня, вот прямо сейчас, встречался с тем, кто вот-вот вольёт в дело миллиона два рубля. Тогда Влад сможет поднять канал и сделает что-то ещё, и его программа заработает на все сто. Как-то так вышло, что Матвей оказался отеснен в самый темный угол, и про него забыли. Довольно быстро, быстрее, чем на поминках. Собравшиеся забыли и повод, по которому они собрались, и стали планировать ближайшие выходные, наперебой предлагая места, куда можно было бы съездить отдохнуть.

— А давайте смотаемся на пару дней в Дурникино, — неожиданно для себя выдал Матвей и привлёк, на свою беду, внимание тусовки.

— В Дурникино? — удивился один из парней, пытаюсь понять, что это: розыгрыш, новый мем или что-то ещё.

— Что такое Дурникино, Матвей? Там у тебя дача? — Калина пыталась дать Матвею шанс отшутиться.

— Нет, деревня одна. В глуши. Там теперь тихо, спокойно, сады цветут.

— Нет, в глушь мы не поедem, — звонко засмеялась Калина, и тема перестала быть взрывоопасной.

Матвей был благодарен Калине за поддержку и ругал себя за то, что пришёл сюда, остался в этой компании, а теперь страдает от того, что лишён внимания и возможности говорить с Калиной. Но больше всего Матвея злил Влад. Мало того что у него свой бизнес, так он ещё и говорит про Париж и Лондон так, будто жил там. Да и Калина не сводила с него глаз весь вечер, смеялась над его шутками, касалась его руки... Матвей встал.

— Матвей, ты уже собрался домой? Рано ещё, — сказала Калина, вероятно, из вежливости.

— Давай, старик, увидимся, — Влад протянул руку. — Если есть у тебя кто с миллионом — кинь контакт. Проект у меня — огонь! Гарантирую.

У Влада был покровительственный вид и тон. Казалось, если бы Матвей стоял к нему чуть ближе, то, вероятно, Влад потрепал бы его по плечу, а, может, и по щеке. Матвей сжал зубы, чтобы не сказать какую-нибудь гадость и не потерять саму возможность видеться с Калиной и говорить с ней. Достаточно на сегодня конфликтов.

— Может, проще самому заработать? — неожиданно выпалил Матвей, желая подшутить над соперником, но вышло дерзко.

— Можешь заработать миллион? — ухмыльнулся Влад.

— Мне кажется, любой, у кого есть голова, может заработать.

— За всю жизнь?

— Да и за год можно, — Матвей понял, что «Остапа всё-таки понесло», и беды теперь уже не миновать. До этого он стоял на одной ноге, чтобы пожать руки тем, кто сидел на противоположном конце стола, но теперь крепко встал на обе ноги. Он не боялся и не собирался отступать.

— Ну, заработай, — Влад широко улыбнулся, видимо, ожидая, что Матвей с позором возьмёт свои слова назад.

— Ладно, вам, парни, пиво, что ли, крепкое было, — Калина встала, чтобы вмешаться в разгорающийся конфликт, но в её глазах мелькали озорные огоньки.

— Давай забьёмся, кто первый заработает, тому коня и полцарства, а там и принцесса подтянется, — Матвей красноречиво взглянул на Калину.

— А проигравший? — спросил кто-то из компании.

— Тот на пять лет уезжает в добровольную ссылку в деревню Дурникино Саратовской области и живёт там без Интернета и сотовой связи, даже если это всё там уже есть.

— Правда, а давайте пари! Мы все — свидетели. Ровно через год. В зачёт можно предъявить движимое и недвижимое имущество, купленное начиная с завтрашнего дня, только так, чтобы оно было в личной собственности. Согласны?

Компания оживилась: со всех сторон на Матвея и Влада посыпались ободряющие слова, новые друзья призывали к противостоянию, пусть даже и в пари. Собравшиеся видели, что Матвею нравится Калина, а она с интересом наблюдала за обоими парнями. Ей тоже нравилось происходящее.

— Я не знаю, чем занимается Матвей. Может быть, у него есть время на всю эту болтовню, — нахмурился Влад. — У меня серьёзный проект, который в перспективе принесёт десятки и сотни миллионов. Мне вот совсем нет смысла вписываться в этот глупый спор. Так что, увы, Матвей, при всём моём желании не могу составить тебе компанию. Может, кого из ребят сагитируешь, — Влад сел на место, показывая всем видом, что он протиснулся с Матвеем и сказать ему больше нечего.

Матвей понял, что броненосец дал течь и надо добивать его на месте.

— Ясно, — хмыкнул Матвей. — Кто-нибудь готов заключить пари? Или удовлетворимся только разговорами о возможностях? — ему во что бы то ни стало надо было зафиксировать победу, чтобы никто и никогда не смог сказать, что он отступил, струсил, испугался.

Желающих ввязаться в пари с риском ссылки в глухую деревню не нашлось. Час торжества настал. Матвей, прежде чем развернуться и уйти, взглядом победителя окинул собравшихся: Влад уткнулся в мобильный телефон, а Калина с улыбкой смотрела прямо ему в глаза.

— Сыграй с судьбой, — неожиданно предложила она.

От этих слов и её взгляда у него мороз пробежал по коже.

— В смысле? — у Матвея пересохло в горле.

Влад и другие участники вечеринки вновь оживились: они думали, представление завершилось, а здесь, оказывается, ещё целый акт.

— Возьмём два листка. На одном напишем «да», на другом — «нет». Ты вытянешь один, и судьба сама распорядится, участвовать тебе в пари, от которого позорно отказался Влад, или нет, — Калина больше не улыбалась. Матвей прекрасно понял, что она ждала согласия и другой ответ не готова была принять.

— Согласен, — произнёс он не своим голосом, словно заворожённый её взглядом.

— Молодец, — одними губами сказала Калина, и Матвей услышал её.

Компания зашумела и одобрительно захлопала так, что привлекла внимание всех посетителей кафе. Люди обернулись, некоторые подошли ближе, спросили, в чём дело, и вскоре возле столика, за которым сидели Матвей и компания, стояли все. У кого-то нашлись листки, кто-то протянул ручку, кто-то написал «да» и «нет». Листки, чтобы всё было честно, показали всем. Свернули в трубочки, перемешали на столе так, что нельзя было определить, где какой, и подтолкнули их к Матвею. Он сглотнул. Что, если сейчас он вытянет не тот листок? Он просто загубит свою жизнь на корню. Как ему заработать этот миллион за год? Какие у него возможности? С его профессией. Даже если он не будет платить за квартиру и еду, не будет покупать одежду и обувь, будет брать все проекты отдела и работать по две смены... Ему и за пять лет не заработать миллион долларов. Чёрт дёрнул его за язык. Лоб покрылся каплями пота, дыхание стало хриплым, в глазах помутилось. Матвею показалось, что он падает, но упасть ему не дали. Ему дали бутылку пива.

— На, хлебни для смелости.

Но ему не нужна была смелость: он не боялся. Он просто не хотел перемен в жизни, на которые себя обрекал. Может быть, ещё можно что-то переиграть? Вот Влад соскочил с темы и сидит довольный.

— Ну же, парень, тяни бумажку. Не ссы, тебе повезёт.

— Давай, Матвей. Если что, мы к тебе будем в деревню приезжать и новости рассказывать.

Матвей встретился глазами с Калиной. Она ждала.

— Давай ты, тебе судьбу вручаю, — еле выговорил Матвей. Его голос прозвучал не так бодро, как ему хотелось.

Сказать по правде, голос Матвея дрожал, но этого почти никто заметил из-за общего напряжения.

Калина протянула руку к листку, который лежал справа от неё. Помедлив секунду, она резко развернулась, взяла листок слева, развернула и положила его надписью вверх. Кафе взорвалось криками восторга. Там было написано «ДА».

* * *

— Илья Викторович, а вот скажите, могли бы вы из меня продавца сделать?

— Господи, вам-то, Алексей Алексеевич, это зачем? С вашим чином? С вашей должностью? Отдайте команду, и подчинённые вмиг всё продадут, а если кто не захочет покупать, так вы туда бомбардировщики стратегические направьте.

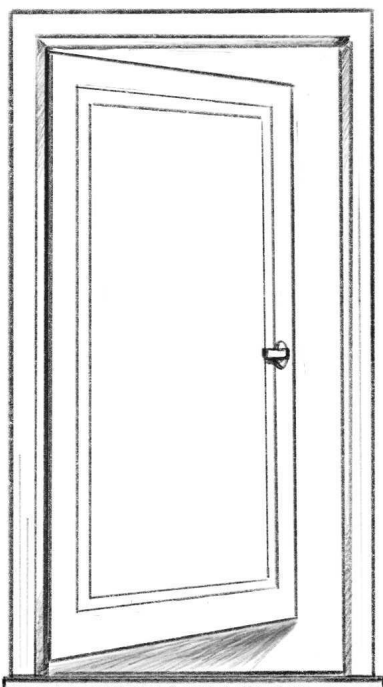
— Так-то оно так. И бомбардировщики есть, и на запасном пути они стоят, под всеми парусами. И всё бы хорошо, да вот учиться продажам велено, требуют-с новые методы и подходы. Надо наших условных и безусловных противников на переговорах побеждать, а откуда нам знать про эти продажи? Нам бы шашку, да на линию огня. Как там у классика?

— Продажи — это ж искусство и даже немного магия. Давайте, я вас лучше политиком сделаю?

— Нет, нужно продажам учиться... Куда податься? Ума не приложу.

— Вот вам телефончик. Спросите дядю Сашу. Он пока вами позанимается, а потом и я подключусь. Только дорого вам это обойдется.

— Да я уж понял.

Глава 2
КЛИЕНТ
ВСЕГДА...

Матвей проснулся за час до будильника. Он до сих пор не мог поверить, что вчера сделал со своей жизнью. Ещё сутки назад его будущее было предсказуемо. Год-два на этом месте, потом можно или попросить прибавку к зарплате, или поискать место в издательстве классом повыше. Да, даже сейчас со всеми премиями, подработками и халтурами у него выходила вполне приличная сумма. Он платил за квартиру пополам с братом и мог себе позволить обычную жизнь нормального человека. Через год-два можно думать о семейной жизни. Калина!

Зачем мы встретились! И именно сейчас. Может, сделать вид, что всё это шутка? Ну, пошутили, с кем не бывает? Вернусь на работу как ни в чём не бывало. Сяду и буду работать. Что мне Калина? У неё Влад со стартапом есть. Максимум скажет, что я сдрейфил. С другой стороны, я ведь действительно боюсь перемен. Чего мне себя-то обманывать? Не ожидал от себя. Хотел произвести впечатление на Калину? Произвёл!

Какой у неё был странный взгляд, когда она перевернула бумажку. Хотела она такого исхода или нет? Как теперь разобрать.

Может у нас с ней что-то быть? В принципе. Ну, допустим, Влад погибнет, пропадёт, в общем, исчезнет из её жизни. Не факт. Далеко не факт. У Калины будущее: кафе, планы. Она целеустремлённая. А я? Чего я хочу

от этой жизни? И хочу ли чего-то вообще? Кроме того, чтобы она просто продолжалась?

От всех этих вопросов голова у Матвея шла кругом. Идти на работу? Увольняться? Воспользоваться случаем и поменять жизнь? «Если решусь, — думал он, — то у меня появится цель. Недостижимая, конечно, но цель. У Калины цель. У меня цель. Мы оба целеустремлённые. У нас уже что-то общее появляется? А если я не заработаю миллион баксов за год, что тогда? Хорошо сказал: “Если не заработаю”. Как будто есть варианты. А если решу: или заработаю миллион баксов за год и отобью Калину у Влада, или не жить мне? Хм... При таком раскладе сейчас можно пойти и в ванной утопиться».

Матвей встал и уныло поплёлся на кухню заваривать кофе.

Что делать? Позвонить брату и выслушать, какой я дебил, что должен всё забыть и идти на работу, пока не опоздал? Всё это я и без него знаю.

Что делать? Страшно. Очень страшно. Лепницкому позвонить? Так и Андрей, школьный друг, сейчас в командировке, вернётся только через день. Оставили меня одного, и вот чем всё кончилось. Да и знаю я, что Андрюха скажет: «Давай, дружище, я в тебя верю. Ты сможешь. Я же смог!»

На такой работе, как у Андрея, любой станет миллионером. Продавать алкоголь ума не надо, тем более с его прошлым. Начинал Андрей в казино: работал сначала крупье, потом повысили до начальника, а после того как лавочку прикрыли, вместе с коллегами пошёл в алкогольный, как он сам говорит, бизнес. Вот Дрон в продажах приличные деньги делает, причём и потолка там вообще нет: «Сколько хочешь — столько и зарабатывай, — хвастался друг. — Каждый определяет, сколько ему денег надо, и молотит. А как намолотил нужную сумму, так

стоп». Перерабатывать они там не любят. Дрон поддерживает. Без вопросов. Вот только к себе не возьмёт. У них там только с опытом нужны, и тех очередь до горизонта.

Что если поработать где-нибудь пару месяцев, набраться опыта? Не дурак же я всё-таки. Общаться могу. Научусь продавать и к Дрону в контору. Посодействует. А там, глядишь, и заработаю сколько-нибудь.

Сколько-нибудь не поможет. Если не выполню план и не заработаю миллион долларов, то придётся ехать в ссылку. Да ну, это вообще бред. Какая ссылка? Какое Дурникино? Чёрт дёрнул вспомнить эту глущь. Что там кроме садов и огородов? Козы и коровы. А может, уже и этого нет. Нет, надо как-то эту часть сделки замять. Я не против заработать миллион или сколько там получится, но рисковать пятью годами жизни! Это как сам себя в тюрьму определил. А ещё сказал, что без Интернета и сотовой связи? Блин, всё, что я хотел, — Влада выставить дураком. Удачно вышло. Кто теперь дурак?

«Ну, что решил, Мот? Хватит по течению плыть? Выберем цель и двинемся к ней?» — обратился Матвей к себе и задумался.

В его воображении пронеслись картинки, где он видел себя успешным, в собственной квартире, с машиной премиум-класса, а рядом с ним, улыбаясь, стояла Калина. По рукам, груди и спине побежали мурашки, и Матвея тряхнуло. Тряхнуло так, что волосы встали дыбом.

— Сделаю, чего там! — сказал он почему-то вслух и понял, что так и будет.

Теперь ему нужен был план. Итак, сегодня он увольняется. Наверное, придётся писать заявление и отработывать. Несколько дней, может, пару недель. Значит, он сразу начинает искать работу. Первая работа ему нужна только для того, чтобы научиться продавать. Матвей сейчас понял, что ему и в голову не пришла никакая

другая профессия. Продажи, конечно, продажи. Где ещё можно заработать столько денег? Сейчас Матвей был уверен: он сделает это. Заработает миллион баксов, получит полцарства, а, возможно, и Калину в придачу.

* * *

Звучит странно, но сегодня Матвей летел на работу. От его утренней нерешительности не осталось и следа. У него есть цель, и он во что бы то ни стало её достигнет. Решение следовать данному слову принималось сложно, но теперь, когда Матвей понял, что назад дороги нет, ему было легко и весело. Он ликовал от своей готовности переписать жизнь заново. Мать, отец, брат — все будут против. Они считают, что прежде всего — надёжность. «Я даже не буду им ничего объяснять, — думал Матвей. — Если повезёт, то про моё решение они узнают только через год. Да они не особо и интересуются. Как дела? Всё в порядке. Я даже не буду менять текст ответа на их вопрос».

— Как дела? В порядке, — весело бормотал себе под нос Матвей.

На работе он поздоровался с теми, кто уже пришёл. Калины пока не было, зато начальник отдела уже суетился в кабинете, и Матвей сразу пошёл к нему.

— Сергей Сергеевич, можно?

— Да, Матвей, какие у тебя мысли, вопросы по проекту появились?

— Я по другому поводу. Я увольняюсь. Если можно, без отработки. Я уже составил план передачи дел. Ольга будет рада забрать себе этот проект. А остальное я за два дня сделаю.

— Что случилось, Матвей? Слышал, у тебя проблемы в коллективе появились? Всё это полная ерунда, работай, не обращай внимания.

— Нет. Я меняю профессию. Иду в продажи.

— Ты? В продажи? Не смейся.

— Меня не сильно интересует ваше мнение, Сергей Сергеевич. Давайте обсудим передачу дел. И мне надо понимать, сколько дней вы заставите меня отрабатывать, — Матвей шестым или седьмым чувством понял, что надо использовать слово «заставите». Начальник не захочет заставлять его отрабатывать.

— Ну, а куда ты? У тебя уже есть предложение?

— Нет, уволюсь и начну искать работу.

— Так не делают. А что ты хочешь продавать? Есть мысли?

— Мне всё равно. Сначала мне надо научиться продажам, а вот потом, с опытом, я узнаю, куда идти.

— За длинным рублём пошёл? Случилось что? Деньги срочно потребовались? Сколько?

— Не гадайте. Давайте обсудим детали увольнения.

— Не торопись. У нас в издательстве есть вакансия, на совещании обсуждали ситуацию. Не могут найти толкового человека, уже готовы без опыта рассматривать и обучать.

— Вот это мне и надо. Посоветуете меня им? И я в издательстве останусь, буду вас консультировать, если что. Сможете время от времени свою шутку шутить, когда в коридоре встретимся.

— Да, думаю, что это возможно. Так что случилось, Круглов? — начальник широко улыбался.

* * *

На третьем этаже в самом начале холла располагался стол, на котором красовалась белая табличка с черными буквами «Секретарь». Матвей уже направился к нему, когда за спиной прозвучало:

– Матвей? От Сергея Сергеевича? Сюда проходите.

– Здравствуйте, Валентин Павлович. Меня...

– Я знаю, как вас зовут, вы знаете, как зовут меня, но это не важно. Потому что важно, что вы принесли, – голос будущего начальника звучал довольно равнодушно.

Я молчал в растерянности.

– Точнее, что ты принёс в нашу компанию? Знания, опыт, клиентскую базу, идею на миллион? Про идею забудь.

– Не знаю, – растерялся Матвей. – Я работал верстальщиком, дизайнером. Опыта в продажах нет. Клиентской базы тоже нет.

– Ты тосты знаешь?

– Я не пью.

– Ты принёс нам способность отвечать на вопросы, которые ещё не прозвучали? Как нам её использовать?

– Я не знаю, – вопросы всё больше обескураживали его.

– Матвей, посмотри на себя. Ты – никакой. И беда в том, что теперь ты и сам это знаешь. Ты сможешь с этим жить?

– Не знаю.

Матвей оказался в той части пространства, в которой много входов. А выхода нет ни одного. Он перебирал варианты дальнейших действий и тут же понимал, что это не выход. Матвей подумал: «Может, встать и уйти? Куда? Туда, где тебя будут жалеть и выполнять твои желания? Никто не говорит, что будет легко. Встать и уйти – не выход. Сказать, что я справлюсь. С чем?»

– Хочешь увидеть мир в другом свете? – усмехнулся Валентин Павлович.

– Да.

– Зачем тебе это?

— Мне нужно научиться продавать, — Матвей произносил эту фразу всё утро словно мантру, поэтому она выпорхнула у него без напряжения.

— Зачем?

— Хочу много зарабатывать, — Матвей не решился назвать истинную причину и подумал, что не дальновидно говорить, что, научившись продавать, он уйдёт в другую компанию.

— Так себе мотивация. Но у тебя хорошие рекомендации. Дам тебе шанс, — Валентин Павлович нажал несколько клавиш на клавиатуре.

— Не знаю, как сказать. Я сделаю всё...

— Так. Камера, стоп! Снято. Иди в кабинет напротив, скажи Петровичу, что ты поступаешь к нему. Свободен.

— Я принят на работу?

— Человек, с которым ты будешь теперь общаться, в кабинете напротив.

— До свидания.

Но Валентин Павлович уже не слышал, он говорил с кем-то по телефону.

* * *

Всё ещё ничего не понимая, шалея от скоростей происходящих перемен и не вполне ориентируясь во времени и пространстве, Матвей зашёл в кабинет, в котором стоял вокзальный гул.

— Меня Валентин Павлович направил к Петровичу...

— Да мы все здесь знаем Валентина Павловича, он всех, кто ему не нравится, направляет к Петровичу. Я бы на твоём месте не радовалась так демонстративно. Много лет без работы сидел? — бойкая светленькая девчонка, лет двадцати, строчила как из пулемёта.

— Да я вроде не радуюсь.

— Тогда перестань улыбаться как придурок. Все твою историю уже знают. Супердизайнер и бог вёрстки решил стать суперпродавцом. Мама сказала «иди продавай»? — не унималась мелкая. Матвей вспомнил, что видел её на корпоративе. Зажигала за столом отдела продаж.

— Мне бы с Петровичем пообщаться.

— Вот тот, в конце комнаты, в наушниках. Зовут Сергей.

Матвей осмотрелся. Человек двадцать одновременно говорили по телефону: некоторые по мобильному, некоторые по стационарному, а некоторые, как Сергей Петрович, — по гарнитуре. Понять, о чём они говорят, было невозможно. Только отдельные слова.

Матвей добрался до стола, за которым работал Петрович, и наклонился, желая попасть в его поле зрения.

— Сергей Петрович?

— Нет, — сказал Сергей Петрович, прикрывая микрофон гарнитуры рукой.

— Как нет?

— Завтра, ровно в девять, не опаздывай. Приди на двадцать минут раньше.

— То есть ровно в восемь сорок?

— Туповат, что ли? До завтра.

* * *

Матвей вернулся в свой, теперь уже бывший, отдел. Когда он вошёл, наступила тишина. Все смотрели на него.

«Так. Что-то они уже знают. Про увольнение им сказал Сергей Сергеевич. Это понятно, — подумал Матвей. — Но сказала ли им Калина про пари?» Он прошёл к своему столу, бросил взгляд на новенькую, а она спряталась за монитором. «Сказала! Значит, теперь все знают, и отдел продаж тоже в курсе. Ну, спасибо, Калина! Могла бы мне та-

кое счастье предоставить. Ладно, чего уж там. А сегодня она особенно хороша. Свежа. Вот только глаза отводит. Что-то беспокоит её. Или ей неловко за вчерашний вечер и за то, что там произошло? Интересно, она понимает, что фактически всё произошло из-за неё? Я хотел порисоваться перед ней, хотел заткнуть хвастливого Влада. Что у них с Владом?» — Матвей вспомнил их вчерашний поцелуй, и по спине пробежали мурашки. Он злился, что Калина внезапно получила над ним такую власть. Ведь между ними ничего не было, просто пообщались, в общей сложности меньше часа. Что может произойти за час?

— Расскажи, мальш, как провёл вечер? — Ольга подошла к нему ближе и растянулась в своей самой доброй улыбке.

— Пообщались. Познакомился с новыми людьми, и вот, решил изменить свою жизнь, — сказал Матвей.

— Так сразу? Мы много пропустили, верно? — Ольга игриво вскинула брови.

— Да, сразу. Чего тянуть? Мне ещё миллион надо зарабатывать.

— Миллион? — глаза Ольги расширились от удивления.

Матвей бросил взгляд на Калину, та помотала головой, как бы говоря «я тут ни при чём». В чём дело? До него дошло, что она ничего не говорила о вчерашнем пари. Он сам выдал себя. Матвей посмотрел на Калину, она была готова расплакаться.

— Миллион? — медленно повторила Ольга, глядя теперь на Калину.

Калина вспыхнула, щёки мгновенно покраснели, и она выскочила из кабинета.

— Матвей! Мы требуем подробностей, — Ольга подошла к нему вплотную, перегородив выход из кабинета.

Матвей понял, что, если он сейчас не расскажет всю правду и не примет удар на себя, то Ольга напридумывает и живёт Калину со свету.

— Да так, вчера на вечеринке забились с одним, что смогу за год заработать миллион долларов. Вот решил в продажи податься.

— С кем это ты забился?

— С новым знакомым. Ты его не знаешь.

— Да ладно, Матвей, хватит меня разыгрывать! Я тебе девочка, что ли, бестолковая? Поругались вчера с Калиной? Ты приставал, а она не дала? Так не расстраивайся, мы её выгоним. Ты нам дороже этой новенькой.

Матвей понял, что Ольга всё равно не поверила и перекрутила всё по-своему: и его поспешное увольнение, и поведение Калины. Ну что ж, может, так даже лучше.

— Ладно, спалила. Мне вчера Валентин Павлович сделал предложение, от которого я не смог отказаться. Всё остальное — совпадения.

— Какой Валентин Павлович? Наш генеральный? Вы так близко знакомы, что он делает тебе персональные предложения? Что за чушь? Чего тогда курица убежала?

— Влюбилась. Молодая ещё, сама видишь.

— Ну, вы живёте! За один день событий больше, чем у меня за год. А что с проектом? — тихо добавила Ольга.

— Он твой, — подыграл ей Матвей и также тихо ответил: — Я сегодня закончу всю остальную работу и освобождаю рабочее место, пока никто не сообразил — поговори с Сергеичем, пусть тебя за мой стол пересаживает.

— Точно, — Ольга метнулась в сторону кабинета начальника.

* * *

Калина стояла у окна. Сзади скрипнула дверь кабинета, и к ней подошёл Матвей.

— Извини, я думал, что ты всё рассказала, — пробормотал он. — Наверное, надо было утром дождаться тебя и всё обсудить.

— Ты решился? Как ты решился? — она заглянула ему в глаза. Калина не могла поверить, что он решился. Решился изменить жизнь вот так резко, ради неё. Нет, Влад на такое не способен, а вот Матвей оказался решительным. Кто бы мог подумать, что под этой мешковатой одеждой живёт настоящий лев. Слёзы навернулись на глаза.

— Да ладно тебе, ерунда. Всё равно я хотел перемен. Эта перемена, конечно, слишком радикальная, но, может, так и надо, — Калине показалось, что Матвей хочет коснуться её, но сдерживается по какой-то причине. Она сделала небольшой шагок к нему. — Хочешь, я оторву рукав, чтобы ты не испортила макияж?

Калина робко улыбнулась и почувствовала укол совести. Она едва сдержала слёзы. Ей хотелось уткнуться в его плечо и забыть всё то, что произошло вчера, всё, что она натворила. Ведь она знала. Да-да, знала на каком листке написано «да», и выбрала его специально, чтобы посмотреть, как поведёт себя Матвей. Откуда ему было знать, что в тот миг, когда Калина увидела Матвея, он ей понравился, и она была рада, что он заговорил с ней? Ради него она предложила эту вечеринку и была рада, что он согласился. Она была счастлива, когда они остались одни, но, подумав, что их отношения разворачиваются слишком быстро, позвала друзей. Как она могла предположить, что Матвей станет соперничать с Владом? И это соперничество могло означать только одно — она ему нравится. И вот, желая посмотреть, что он за человек, она взяла листок со словом «да». Хитрый и изворотливый Влад посмеялся бы и тут же перевёл разговор на другую тему. Откуда всё это мог узнать Матвей?

Матвей притянул её ближе, и она прижалась к его груди. Беспокойство отступило. Может, он простит её?

— Я Ольге сначала сказал правду, — произнёс Матвей, когда Калина успокоилась, — но она не поверила. Тогда я сказал, что генеральный вчера предложил мне перейти в отдел продаж, и я согласился. Так что можешь на вопросы Ольги ничего не отвечать.

— Так ты будешь работать в этой компании? Как здорово! — обрадовалась Калина.

— Конечно, мы сможем видеться хоть каждый день, — ответил Матвей, ещё крепче прижимая её к себе.

— А обратно нельзя отыграть ситуацию?

— Не понял. Зачем?

— Извини меня, — тихо пробормотала Калина. Нет, она не сможет построить отношения на лжи. Она обязана рассказать всю правду Матвею! Иначе... иначе это всё, все их отношения — это ложь.

— Да ладно. Всё в норме. Пробьёмся. Миллион не десять.

— Это я виновата во всём.

— О чём ты говоришь! Я же сказал: я давно хотел поменять свою жизнь. Что я здесь заработаю? Если и куплю автомобиль, то самый убогий и в кредит. Ты ведь не захочешь встречаться с молодым человеком на дешёвом автомобиле? — с хитрецей в голосе спросил Матвей.

— Ты не будешь сердиться на меня? — Калина коснулась лица Матвея.

— Нет, конечно. Я даже рад, что всё так случилось, — Матвей с нежностью смотрел на неё.

— Я знала, на каком листке написано «да», и специально взяла его, — выдохнула Калина.

— Что... Что ты сделала?! — Матвей пошатнулся и отпустил, нет, пожалуй, всё-таки оттолкнул Калину. Сильно оттолкнул. Калина сделала несколько шагов прежде, чем смогла остановиться. Она видела ярость на лице Матвея. Никто не смотрел на неё с такой яростью. Калина испугалась. Испугалась и пожалела. Всё кончено. Проще-

ния ей нет. Ну и правильно. Если бы она вчера вместо того, чтобы смотреть в окно всю ночь и вспоминать снова и снова события прошедшей вечеринки, взяла и позвонила Матвею, если бы она сказала ему о своём жульничестве, то всё могло быть по-другому. Матвей имел бы полное право отказаться исполнять жребий, не потеряв своего лица. Но ей так хотелось узнать, как он поступит! Он поступил правильно, и она не могла жить, обманывая его. Все молодцы, все поступили правильно. Только вот теперь всё испорчено. Раз и навсегда.

— Зачем? — ошарашенно спросил Матвей, а потом тихо, но твердо добавил: — Уходи.

Калина поняла, что теперь всё кончено. Она не могла найти слов, чтобы объяснить своё поведение, и не знала, как можно продолжить этот разговор, поэтому быстро развернулась и зашла в кабинет, оставив Матвея у окна.

В тишине офиса, в которой были слышны только щелчки мышью, она собрала личные вещи, написала заявление об уходе, оставив его в пустом кабинете начальника, и вышла. Уже бывшим коллегам она не стала ничего объяснять. Да и что она могла бы им сказать? Что была влюблена ровно сутки. Вчера в это время она пришла в отдел, увидела Матвея и влюбилась как дура, потеряв голову. А сегодня, почти в тот же час, они простились навсегда.

Матвей по-прежнему стоял в коридоре, глядя в окно, и даже не обернулся. Калина надеялась, что теперь, когда её обман вскрылся, он вернётся в отдел и его жизнь вернётся на круги своя.

* * *

В половине девятого Матвей был на работе. Ещё никого не было, а кабинет, в котором ему предстояло работать, был закрыт. Он решил, что пройдёт этот путь, несмотря

на то что Калина его обманула. Не для неё, не для кого-то другого, а для себя. Через минут пять пришёл сотрудник, открыл дверь кабинета и жестом пригласил войти.

— Доброе утро. Матвей, — сказал Матвей и протянул руку для знакомства с коллегой.

— Ок. Не жди любезностей. До конца испытательного срока никто не будет запоминать твоего имени, вы тут меняетесь как из пулемёта. Присядь пока здесь, Петрович сам покажет твоё место, — сказал коллега и, не оборачиваясь, пошёл к своему столу и включил компьютер.

— Ага, пришёл, молодец. Ты вчера какой-то потерянный был, — сказал Петрович. Он шёл по другому проходу между столами. Матвей хотел пожать руку Петровичу, но тот был слишком далеко.

— Здравствуйте, — сказал Матвей.

— Ты не ходишь на работу как на праздник? — усмехнулся Петрович.

— Как правило, нет. Не думаю, что работа — это праздник.

— Ладно, дело твоё. Можешь ходить как на каторгу. Зря, что ли, бог тебе дал свободу выбора.

Петрович повернулся к своему столу, включил компьютер и махнул Матвею, приглашая следовать за собой. Всё это время в кабинет входили всё новые и новые люди. «Интересно, сколько здесь сотрудников?» — подумал Матвей.

— Вот твой стол и твой телефон. Вот тетрадь для записей и календарь рабочего времени. Умеешь пользоваться?

— Нет, не приходилось.

— А ты вообще продавал когда-нибудь?

Матвей мотнул головой. Петрович с презрительной усмешкой осмотрел его с ног до головы и кивнул, будто не верил, что Матвей у них задержится.

— Так, время! Строиться! — скомандовал Петрович, и сотрудники отдела пришли в движение и собрались у свободной от рабочих столов стены.

Матвей взглянул на крупные часы на стене. Было ровно восемь сорок. Он встал в строй.

— Так, головорезы, сегодня мы должны закончить с «Зарей», текущее выполнение плана — 80%. Вы хотите, чтобы дети показывали на меня своим сопливым пальцем и говорили: «Вот он, неудачник, который не может выполнить план по “Заре”»? —

— Петрович, там больше, чем 80%!

— Да?!

— Петрович, нос у детей сопливый, а не палец, — с усмешкой высказалась рыжая девушка.

— Думаешь, умная? А ты подумай получше, если палец сунуть в сопливый нос, то нос прочистится или палец испачкается? — Петрович вплотную подошёл к рыжей.

Казалось, что он сейчас придавит её не только харизмой, но и телом. Матвею всё меньше и меньше нравилось происходящее, но он предпочёл промолчать.

— Ну что, мамочка всех сопляков этой страны, дух перевела, слёзы высохли?

— Вообще-то...

— Слово. Когда слово дам, тогда будешь оправдываться. Это легко понять?!

— Да.

— Я тебе говорил, гони его в шею, он только тратит твоё время. Говорил?

— Да.

— Ты поняла хоть что-то?

— Да.

— Вот тебе новый объект, — Петрович неожиданно показал на Матвея, — будешь и с ним мямлить, уйдёшь на рынок труда ещё раньше, чем он. Понятно?

— Да.

— Я сейчас был добр с тобой, не давил?!

— Нет.

— Бери мальчика и вперёд. Знаешь, что наличие подопечного не уменьшает личный план, а увеличивает?

— Да.

— Малец вообще никакой. Два дня твой план будет таким, будто парня вовсе нет, потом как обычно. Понятно?

— Да.

— Тебе понятно? — теперь вопрос был обращён к Матвею.

Матвей хотел возразить, задать вопросы, поставить Петровича на место. Он не понимал, что происходит. Но в горле неожиданно пересохло и ему удалось из себя выдать только невнятное «Да, понятно».

Петрович наконец сделал шаг назад от рыжей сотрудницы, встал перед строем и, казалось, посмотрел каждому в глаза.

— Вы единственная надежда бизнеса в этой стране. Если вы не дадите бизнесу возможность заявить о себе публично, через наши газеты и журналы, то бизнес закроется и многие люди останутся без средств к существованию. Вы будете виновны в голодной смерти многих сотен людей. Идите, позвоните им и скажите: да, да, мы сделаем так, что ваша реклама будет напечатана в нашей газете. Никому не отказывайте в праве дать рекламу. Найдите слова, найдите образы. Все имеют право на жизнь. Вперёд!

Сотрудники стали шумно расходиться. Матвей не успел ничего предпринять, а перед ним уже стояла его рыжая наставница.

— Алёна.

— Матвей.

— Пошли.

Они вышли из кабинета, повернули пару раз по коридору, спустились на первый этаж и оказались в кафе бизнес-центра. Позавчера в этом кафе Матвей незабываемо провёл вечер.

— Два года назад я была такой же новенькой, как ты.

— Только девочкой...

— Заслужи право на юмор, — оборвала она его и серьёзно продолжила. — Первый месяц я и сейчас вспоминаю с ужасом. Пожалуй, второй раз я такое не переживу. Но когда не знаешь, что тебя ждёт, — легче.

— Спасибо.

— Просто заткнись и жди вопроса. Не нравится — иди. Если уйдёшь сейчас, я точно буду тебе благодарна. Ты сэкономишь моё время и силы. Если останешься, то ещё неизвестно.

Матвей счёл за лучшее промолчать.

— Через месяц я начала понимать, что здесь происходит. Через полгода я зарабатывала больше, чем оба мои родителя вместе взятые. Сейчас я работаю четыре дня в неделю и получаю в худший месяц три тысячи долларов. На руки. На этом можно было бы остановиться. Но есть ещё ступенька наверх. Между моим сегодняшним доходом и Петровичем есть промежуток, куда я могу встать. Для этого я должна сколотить бригаду продавцов. Из таких, как ты, новобранцев. Когда у меня это получится, то я сама буду определять длительность своей рабочей недели, а зарплата в худший месяц будет пять тысяч. Теперь ты понимаешь, что стоит на кону?

— Думаю, да.

— Тратил пять тысяч долларов?

— Нет.

— Видел пять тысяч?

— Нет.

— Значит, не понимаешь. Смотри. Ты мой пропуск. Петрович даёт новичков по очереди всем желающим. Ты мне достался без очереди. Не думай об этом много. Так вышло. Как ты понял, я потеряла предыдущего новобранца. Уволился. Чем раньше вы увольняетесь, тем лучше. Меньше затрачено усилий, которые в случае увольнения, очевидно, затрачены впустую, — Алёна встала, купила себе чашку кофе.

— Я могу научить тебя продажам, но сначала скажи мне, Матвей, зачем тебе эта работа?

— Деньги нужны.

— Да, мотивация у тебя отстойная. Может, у тебя кто из родных при смерти?

— Вроде нет.

— Жаль. Может, у тебя девушка есть, и ей хочется дорогих подарков?

— Нет, девушки нет.

— И я знаю почему. Может, ты хочешь машину или дом?

— Я ж тебе говорю — деньги нужны.

— Послушай меня, «деньги нужны» — не мотивация. Деньги должны быть нужны для чего-то конкретного. Конкретная сумма. К конкретной дате. Понимаешь? Просто «деньги» — не годится. Вот тебе сто рублей. Это деньги. Они были тебе нужны, ты сам сказал. Всё, на сегодня план выполнил?

— Я знаю свою мотивацию. Поверь, мне нужны деньги.

— Полный отстой. Ты зачем живёшь?

— Не знаю пока. Может, ты мне объяснишь? — огрызнулся Матвей. Ему порядком надоел этот разговор.

— Уйди, прошу тебя, — серьёзно сказала Алёна.

— Не могу. Пошли работать.

Алёна молча вышла в холл, а Матвей побрёл следом. Когда они появились на пороге кабинета продавщиков,

среди новых коллег прокатился вздох. «Похоже, они делали ставки, — усмехнулся про себя Матвей. — И кто-то проиграл. Кто-то всегда проигрывает».

— Мы издаём книги, четыре журнала, газеты и справочники, — Алёна тем временем вводила его в курс дела. — Проще всего работать со справочниками. Вот с них ты и начнёшь свою карьеру. Вот компьютер. Вот твой логин и пароль к базе клиентов. Вот так открываешь базу и звонишь любому клиенту. Здесь указаны телефон и как зовут. Учти, что всё могло поменяться. Если ты узнаешь о клиенте что-то новое — добавь в базу данных.

— А как мне представиться? — Матвей искренне не понимал, как начать продавать. У него заранее кружилась голова от происходящего. — Ну, типа я менеджер по рекламе или я продавец площадей, или, может, аккаунт-менеджер?

— Ты зародыш продавца, — пренебрежительно высказалась Алёна, — но так клиенту лучше не говорить. Начинай так: «Здравствуйте, меня зовут Матвей, я менеджер издательства “Зенит”, с кем можно поговорить про справочник “Автоцены”?» Тебя соединят с кем надо, и ты обсуждаешь, какую рекламу они будут давать в следующий справочник, называешь цену и выставляешь счёт. Приступай.

— Подожди, а какая бывает реклама? Сколько стоит? Что там ещё могут спросить?

— Если разговор затянется до такой степени, что вы станете обсуждать размеры, — позови меня, я помогу.

Матвей положил блокнот и ручку на стол перед монитором старенького компьютера и огляделся. По сравнению с коллегами его стол казался пустыней. Матвей перевёл взгляд на экран, тысячи клиентов ждали его звонка и рисковали остаться без рекламы в справочнике «Автоцены» на следующий...

– Алёна, а с какой периодичностью выходит справочник? – спросил Матвей.

– Тебе зачем?

– Ну, клиент может поинтересоваться.

– Клиенты в курсе, звони, если что, они тебе сами подскажут.

Матвей не мог выбрать, кому звонить первому. Здесь должен был быть какой-то подход, правила, как в игре «Морской бой». Его блуждающий взгляд остановился на записи «Ижмаш, Смирнов Матвей Романович» и телефоне. «Пусть будет Ижмаш, всё равно надо с чего-то начать», – подумал он и набрал номер.

– Матвей Романович? – спросил Матвей после того, как на том конце сняли трубку.

– Нет.

– Можно пригласить Матвея Романовича?

– Нет.

– Почему?

В телефонной трубке звучали короткие гудки.

– Алёна, мне сказали, что с клиентом нельзя поговорить, но не сказали почему. Удалять его из базы?

Внезапно в шумном кабинете отдела продаж все затихли. Раздавались только звуки принтера и телефона, которые не могли взять и заглухнуть вот так сразу. Наконец, замолчал и телефон. В этот драматический момент в кабинет вернулся Петрович.

– Что? Новичок?!

– Да, на первом же звонке.

– Плохой знак, надо заказать очистку помещения благовониями. Алёна, сложно, что ли, объяснить новому сотруднику? Как ты работаешь с молодёжью?

– Что я такого сделал? Я спросил...

– Не продолжай. Ты не должен произносить такие слова вслух. Потому что, если ты их произносишь, зна-

чит, они есть в твоей душе. Значит, и твоя душа, и наша база данных в опасности. Ты. Не можешь. Ничего. Удалять, — чётко по словам сказал Петрович, будто вбивал гвозди в стену. — Никто не может ничего удалять. Это большой грех. Мы должны, как пчёлки, эту базу данных пополнять. Бывают, конечно, трутни, которые только используют общую базу данных и не пополняют её. Мы приносим их в жертву, — Петрович многозначительно замолчал и посмотрел в упор на Матвея.

Матвей искренне не понимал, что за грех он совершил, задав свой вопрос. Может, он не должен спрашивать, а только кивать? «Ладно, попробую ещё раз». Матвей посмотрел на таблицу и набрал номер, заканчивающийся на пятьдесят пять.

— Алло, здравствуйте, я менеджер издательства «Зени...»

Короткие гудки.

— Алёна, а может быть, что кто-то из клиентов, услышав название компании, кладёт трубку?

— Может.

— А почему?

— Причин могут быть десятки, и даже знание полного списка ничего не изменит. Звони!

— Но я не могу звонить бездумно!

— Ты просто не знаешь, что способен и на это. Просто звони. Не задавайся глупыми вопросами, звони, звони, звони.

И Матвей звонил, звонил, звонил. Делая звонки почти на автомате, Матвей успевал заниматься статистикой. Пятнадцать процентов не дают рекламу вообще, тридцать процентов посылают после первых двух слов, пятнадцать процентов не снимают трубку, двадцать процентов просят перезвонить в следующем месяце, двадцать процентов всё вежливо слушают, говорят, что им это

не интересно, и спрашивают: «У вас есть ещё предложения для меня?» Нет, у Матвея для них ничего больше нет.

Поскольку Матвей довольно быстро перешёл в автоматический режим, ещё до обеда первого рабочего дня у него появилось время подумать о том, что так миллион не заработать. Миллион не заработает и Алёна, и Петрович. Это было полбеда. У него была надежда на то, что здесь он научится продавать, но ничего похожего на обучение не происходило. Матвею было и смешно, и грустно, и страшно. Эх, поскорее бы вечер, Дрон обещал сразу после возвращения забежать к нему.

— Ты обедаешь? — Алёна выдернула его из размышлений.

— Ещё не заработал.

— У тебя открытая кредитная линия. Пошли, расскажешь про успехи.

Они пришли в кафе, в котором общались утром. Каждому из них выдали комплексный обед, Алёна направилась к свободному столу, Матвей пошёл за ней.

— Рассказывай, — сказала Алёна, приступая к обеду.

— А нет ли у вас другой базы клиентов?

— Тебе сейчас ни одна база не поможет. Сколько ты сделал звонков?

— Я не знаю, может, двадцать.

— И результат?

— Ноль.

— Я сделала два звонка и заключила два договора. В общей сложности почти на десять тысяч долларов. И заработала одну тысячу для себя. Это до обеда. Можно ещё после обеда поработать, но надо знать меру, и поэтому я поеду отдыхать. Но даже если после обеда я отдам тебе свою базу, ты не получишь ни одного разговора и тем более сделки.

— Так в чём секрет?

— Да нет секрета. Берёшь и звонишь.

— Ладно, Алёна, есть, может, какой-нибудь текст, шпаргалка, инструкция?

— Ты когда-нибудь с девушками на улице знакомился? — неожиданно перевела разговор Алёна.

— Ну, было пару раз.

— Один или с другом был?

— Один, — Матвей всё ещё не понимал к чему этот вопрос.

— У тебя был текст оптимального знакомства?

— Алёна, это другое. А здесь такой текст был бы в самый раз.

— Тебе виднее. Текста нет, и я не слышала, чтобы он у кого-то был. Представь, что человек на том конце провода — девушка, и тебе надо её соблазнить. Остальное, как говорит Петрович, мать-природа подскажет.

— Я понял ваш метод. Кинуть в воду и посмотреть: выплывет или нет.

— Ты знаешь, если человек в чём-то уверился, то переубеждать его — только укреплять в вере. Мне пох, что ты думаешь о наших методах. Если завтра не придёшь на работу — вздохну с облегчением, а на освободившееся место возьмут другого. Может быть, Петрович снова поможет и даст новичка мне, и новичок окажется более настойчивым и терпеливым. Ладно, давай, ешь, приятного аппетита. После обеда можешь понаблюдать с моего места, как работают другие. Если завтра придёшь на работу — расскажешь. Давай будь здоров.

— Пока.

После обеда, отчасти потому что делать бесполезные звонки совсем не хотелось, Матвей сел за стол Алёны, и теперь видел весь отдел сразу. Стол Петровича был слева в каких-нибудь трёх метрах. Матвей отлично слышал, что говорит Петрович, и мог представить, что говорят на другом конце провода.

— Я тебе гарантирую, что реклама выйдет до открытия второго магазина. Представь, клиенты собираются покупать у конкурента, уже деньги собрали, и тут ты со своим новым предложением. Что делать клиентам? Они пойдут к тебе. Клиенты не дурнее нас с тобой. Вот ты сам-то как бы поступил на их месте? Вот. А почему? Потому что ты знаешь: твоё предложение — лучшее. Как клиентам узнать об этом, как не из рекламы? Хорошо. Вот за что я люблю тебя. Давай, до завтра. Привет жене.

«Если бы я знал жён клиентов и знал, что и кому они продают, я бы тоже так продавал, — подумал Матвей. — Но я не знаю клиентов, а на то, чтобы хоть что-то выяснить, уйдут годы».

Матвей провёл остаток рабочего дня наблюдая за работой старших коллег. И постепенно пришёл к совершенно очевидному выводу: вокруг — маги. Ничем другим нельзя было объяснить их способ и результативность работы. Мало кто из них сделал десяток исходящих звонков за день. Многим коллегам клиенты звонили сами и делали заказы. «Хотел бы я так работать. Сиди, заполняй бланк заказа и согласовывай шрифты на рекламном модуле», — сказал себе Матвей. Было несколько сотрудников, которые, как и Алёна, делали не более пяти звонков в день и зарабатывали, судя по всему, очень прилично. Матвей пока не мог понять, они так бездельничают каждый день или это так сложилось сегодня, а в другие дни они звонят без остановок.

* * *

Вечером на пороге квартиры появился увальень Дрон. Его крупная комплекция делала любую квартиру тесной, когда входил друг.

— Привет, сильно скучал?

Огромный Андрей ввалился в квартиру Матвея и поприветствовал его фирменным знаком, с помощью которого они могли без слов сообщить, насколько хорошо дела. Сигнал Матвея был «хуже некуда».

— Так, Мот, рассказывай.

— Здесь за два дня столько произошло. Мне, наверное, ночи не хватит, чтобы всё рассказать.

— Ночи не хватит, чтобы всё обсудить и понять. А рассказать ты мне сейчас за полчаса расскажешь. Давай начнём с фактов. И знай, что я всегда на твоей стороне. Кроме голодовки, конечно, — попытался пошутить Андрей, но Матвей не отреагировал на шутку. — Начинай, говори.

— Я познакомился с девушкой. Зовут Калина.

— Поздравляю!

— Мы с ней уже расстались.

— Начни сначала, я что-то пропустил.

— Мы познакомились. Пошли в кафе. Она позвала.

— Подожди. Не сходится. Вы познакомились, и в первый же день она позвала тебя в кафе. Не ты её, а она тебя?

— Она новая сотрудница отдела, и решила проставиться за первый рабочий день, а в отделе была напряжёнка из-за моей ссоры с Ольгой, и никто не поддержал новенькую. Ну, я и вызвался.

— Понятно.

— Пошли в чёртову «Итаку» — кафе на первом этаже нашего бизнес-центра. Чтобы не сидеть вдвоём, она позвала друзей.

— Мот, ты подрался?!

— Нет. Слушай. У Калины оказался друг. Пижон и хвостун. Начал там гнать всякую пургу, и я хотел его заткнуть. Зашёл разговор о заработках, а у него там бизнес какой-то, стартап или что-то вроде того. Я сказал, что нормальный мужик за год может заработать миллион

баксов. Хотел посмотреть, как поведёт себя этот парень. Он слился с темы, сказал, что в настоящий момент занят стартапом и не может отвлекаться на мелочи. А Калина так смотрела — будто поцелует прямо на месте, если я приму собственный вызов. Ну, я и не сдержался. Говорю, тогда я сам, без тебя, слабака, этот миллион заработаю, а тебе будет стыдно. Короче, слово за слово, решили тянуть жребий. Если вытяну «да», то судьба мне держать ответ за свои слова. Если «нет», то типа «ладно, пошутили, но всё нормально, претензий нет». Скрутили две бумажки. И я вместо того чтобы вытянуть самому, попросил эту дуру. Ну, типа вверяю свою судьбу в твои прекрасные руки. А, как теперь выяснилось, она специально, чтобы подставить меня и посмеяться надо мной, вытянула «да». Она сама призналась, что знала, где написано «да», и специально взяла эту бумажку.

— Да ладно, дружище, забей. Подумаешь, горе какое. Я думал, ты кому в морду дал и в полицию загремел.

— Лучше бы в морду кому-нибудь дал. За день до этого у меня была шикарная возможность. Нет, Дрон, не могу отказаться от своих слов. Да и не хочу! Уважать себя не смогу. Оправдать отказ можно, я уже думал про это. Но не хочу. Буду миллион для себя зарабатывать, чтобы понять, кто я такой.

— Ну, ладно. Что там за условия?

— Всё просто. Год времени. Миллион долларов. Всё движимое и недвижимое имущество идёт в зачёт. Два дня бездарно потеряны. Осталось триста шестьдесят два дня. Всё, что мне пришло в голову, — пойти в продажи. Ты сам говорил, там потолка в заработке нет. Сколько сможешь, столько и заработай.

— Так-то да, — протянул Дрон. — Только миллион — это много, дружище. Какие ещё условия? Миллион должен быть легальным? Может тебе в казино поиграть?

— Смешная шутка, — усмехнулся Матвей. — Ещё один момент. Если я не заработаю миллион, то на пять лет отправляюсь в деревню Дурникино и провожу там годы без Интернета и сотовой связи.

— Это кто так придумал?

— Это я для её парня, интернет-предпринимателя, кару готовил. А вот видишь, оказалось, для себя.

— Бывает. Слушай. А если ты с ней расстался, то зачем... А, ты это теперь для себя решил сделать... Это серьёзный поступок. Серьёзное решение. Брат, родители в курсе?

— Нет ещё. Брат в командировке. Родителям не хочу пока говорить. Не поймут. Я сам себя плохо понимаю, но сегодня первый день работал продавцом.

— Понравилось?

— Я по-другому представлял себе эту работу. Я ведь в своём издательстве с пятого этажа на третий переехал. Журналы и справочники, которые верстал, теперь там рекламу продаю. Ну, как продаю. Учусь. Подскажешь парочку секретов?

— Да какие там секреты: берёшь и продаёшь.

— А если они не покупают?

— Так с этого момента продажа и начинается. Ты должен понять, как изменится его жизнь после того, как он купит у тебя, что ты там продаешь, рекламу. Об этом и говори.

— Тоже мне друг. Пурги нагнал. Что у него изменится? Откуда я знаю. С гарантией можно сказать, что у него денег станет меньше.

— Понятно. А что с этой девушкой, как там её зовут?

— С ней всё кончено. Я даже думать о ней не хочу. Взять и так подставить. Понимаешь, что это за человек, если ей ничего не стоит так посмеяться над другим?! Забыли про неё. Её нет, и никогда не было. Я тебе как другу сказал, смотри, никому больше.

— Могила. Мот, а, может, у неё другие мотивы были? Может, она не подставляла и не смеялась над тобой, может, она чего-то другого хотела? Просто вот так всё вышло.

— Нет её, и никогда не было! — сказать было легко, а вот выкинуть Калину из головы Матвею не удавалось. — Скажи что-нибудь полезное про продажи, а? Как ты стал продавать?

— У меня другой случай. Я пришёл на работу, мне дали наставника. Он гонял меня, как щенка, пока у меня не стало получаться, теперь я гоняю помощника, учу.

— Дрон, погоняй меня.

— Для этого ты у меня работать должен. Да и не смогу я с другом так поступать.

— Так ты ведь в благородных целях. Можно у вас миллион баксов за год заработать?

— Сомневаюсь. Спорил бы ты на триста тысяч... Был у нас такой продавец. Легенда! Сейчас в центральном офисе работает.

Андрей ушёл, а Матвей предался своим мыслям. Миллион ему, вероятно, не заработать. В деревню он, видимо, не поедет, сможет эту часть контракта переписать. Калина! Почему она так поступила? Что она сейчас делает? Надо у Степана узнать.

* * *

Матвей набрал бывшего коллегу.

— Стёпа, привет, как дела?

— О, Матвей, привет. Что происходит? Сказали, что ты в продавцы рванул скоростно. Там какая-то вакансия золотая объявилась?

— Стёпа, всё сложно. Но я тебе обещаю, как только сам пойму, что происходит, я обязательно расскажу.

— Понятно. Чего хотел?

— Как там в отделе?

— Да что там... Ольга вцепилась когтями в проект, забрала всю власть и теперь устанавливает свои правила. Решила жёстко подмять под себя всех. Даже тех, кто всю жизнь соблюдал нейтралитет. Так что впору и мне новое место работы искать. Если я под Ольгу лягу, то начинать надо будет с самых низов её пирамиды почитания. Лизать пятки. Потом икры...

— Что Калина?

— Уволилась. День отработала. Проставилась, как порядочная. Правда, тебе одному повезло с этим. И на второй день, никому не говоря, уволилась. Мы тут в отделе версию имеем. Ты ушёл, она поняла, что Ольга ей житья не даст, и быстренько смоталась.

— Ушла, значит. Ну и хорошо.

— Ты чего звонил-то? Обрати хочешь? Так знай, теперь не Сергеевич кадрами ведает. Тебе у Ольги проходить собеседование.

— Ок, ладно, пока. До созвона, — бросил Матвей.

Насовсем ушла. Отлично! Хорошо б забыть, да не выйдет. Ведь из-за неё всё закрутилось!

* * *

Уже засыпая, Матвей думал: «Завтра мне предстоит продавать. Что? Кому? Зачем? Ничего не понятно. Я настолько не понимаю эту работу, что даже не знаю, какие вопросы задать Дрону. И он тоже хорош! Мог бы сказать: “Делай раз, делай два... И всё будет хорошо”. Говорит, лучший из них продал на триста тысяч долларов за год. Мне надо будет вести запись доходов. Ведь если в зачёт идёт движимое и недвижимое имущество, то еда, которую я съел за год, тоже должна учитываться. Точ-

нее, деньги, которые я потратил на еду, одежду. Думаю, это справедливо. Заведу блокнот и буду записывать доходы и расходы туда».

Он представил блокнот, исписанный сплошными доходами, и милое удивлённое лицо Калины. Лицо было очень близко, сквозь сон Матвею казалось, что он чувствует её тепло.

* * *

— Доброе утро, — сказал Матвей всем присутствующим в отделе.

Алёна была на месте и, увидев Матвея, улыбнулась. Потом повернулась к Петровичу и жестом показала «Давай мой выигрыш!»

«Опять на меня ставки делали», — подумал Матвей.

— Алёна, не могу поверить. Ты поставила на то, что я выйду на работу? Ты поверила в меня? — усмехнулся Матвей.

— Малыш, у тебя хорошее зрение и чувство юмора. Ни то ни другое не делает тебя хорошим продавцом. Мне стыдно за тебя. Второй день на работе, и ни одной продажи. Ты слабое звено, — Алёна растянулась в фальшивой улыбке.

— Строимся, — скомандовал Петрович, и коллеги торопливо направилась к месту сбора.

— У нас пополнение. Новый сотрудник, имени которого пока можно не запоминать, вышел на второй день работы. Что это значит? Верно, наш план увеличился на десять тысяч долларов. Та-а-ак, нас восемнадцать. Но! Алёна не в счёт, она в него душу вкладывает. Сам этот балбес не в счёт. Ну и я не в счёт, дорогие мои коллеги. Значит, десять тыщ делим на пятнадцать... — Петрович потыкал в экран смартфона и продолжил: — В общем,

вы знаете, вам нужно сделать выбор: или вы отдаёте этому балбесу своего клиента, которого он, без сомнения, угробит, или вносите в кассу шестьсот шестьдесят шесть долларов. Верно?

— Да, босс, верно, — уныло согласились присутствующие.

— Жду до обеда, — Петрович показал пальцем на часы. — Напомню, если вы передадите дохлого клиента, то второго из вашей базы я выберу сам. Можно не передавать тех клиентов, с кем у вас имеется интимная или родственная связь. Это святое, что я, не человек, что ли? — Петрович обвёл взглядом сотрудников. — Теперь о выполнении плана вчерашнего дня. Половина отдела в глубоком Янусе! Вы забыли, как делать звонки? Вы думаете, что оно само всё происходит? Чтобы клиенты сами звонили, нужно создать зависимость. Эмоциональную, материальную, какие там ещё бывают?

— Сексуальная зависимость... — начал было сотрудник в очках слева от Матвея.

— Ну и сколько, Петя, у тебя сексуально зависимых клиентов?

— Я пока работаю над этим...

— Ты должен поторопиться, — сказал Петрович, глядя очкарику прямо в глаза, и продолжил. — Сегодня я вам устрою психологическую атаку. После работы никто не расходится.

— Босс, ну это уже слишком! И новенький с его проблемами, и атака. Нам же ещё работать, а ты настроение с утра портишь.

— Молчать. Теперь ты, — Петрович стоял напротив Матвея.

— Да, босс, — выдавил Матвей.

— Ты сначала заслужи право обращаться ко мне по имени. Как там тебя зовут?

— Матвей.

— Неважно. Ты вышел на работу, а мог бы остаться дома и есть мамины пироги. У тебя есть мама?

— Да.

— Неважно. Важно то, что ты вышел на работу, и этому никто не рад. Видишь этих людей?

— Да.

— Сегодня они принесут никчёмную жертву. Они отдадут тебе своего не самого ужасного клиента. Такое правило. Ты, судак, загубишь половину этих контактов. Понимаешь чувство, с которым они будут отдавать тебе клиента, который приносил им бабки?

— Понимаю.

— Что ты терял в этой жизни, чтобы понять их чувства? Они работали, находили подходы, устанавливали отношения, хотели взрастить из этого клиента источник пассивного дохода. И тут приходишь ты. Они должны тебя любить?

— Может, тогда не брать у них клиентов? — осторожно поинтересовался Матвей.

— Засунь правую руку в карман штанов. Быстро!

Матвей повиновался.

— Пошарь, что там у тебя?

— Ничего, пусто.

— Вот! А должны быть яйца! У всех продавцов есть яйца. Даже у Алёны, Лены, Кати, Саши они есть. Понял?

— Да.

— Хрен там. Ты должен с благодарностью принять этих клиентов и удвоить объёмы покупок каждого клиента, доставшегося тебе даром. Вот тогда все увидят, что у тебя в штанах. Может быть, ты хочешь уйти? Мы будем тебя вспоминать как доброго парня с пустыми штанами. Уходишь или берёшь клиентов?

— Остаюсь работать.

— Молодец. Как тебя зовут?

— Неважно... пока.

— Красавчик. Эй, население, по какому поводу простой? Быстро за работу. Клиенты уже смотрят на свои телефоны и ждут ваших звонков!

Алёна взяла Матвея за рукав и потянула к выходу из комнаты.

— Ты понял, что произошло?

— Не уверен.

— Сегодня ты стал врагом для всех.

— Не я эти правила придумал.

— Это ничего не меняет. Ты вышел на работу, и тут же тебя невзлюбили.

— И что теперь делать?

— Ты можешь изменить нелюбовь на уважение только одним способом.

— Я не собираюсь увольняться!

— Ты бы меня сильно разочаровал, если бы теперь уволился, малыш.

— Не называй меня малыш, ты старше на пару лет. Может, на пять.

— Малыш, сначала покажи, что у тебя в штанах, и научись наконец избегать разговора о возрасте, когда говоришь с женщиной. С женщиной любого возраста. Вернёмся к твоему испытанию.

— В смысле?

— Сейчас все сотрудники отдела по очереди будут подходить и передавать тебе своих клиентов. Постарайся всё как следует запомнить. Если сможешь получать от клиента столько же денег, сколько предыдущий менеджер, — ты будешь прощён. Если сможешь получать больше, чем предыдущий менеджер, — ты будешь в почёте. Если клиент уйдёт от тебя и от нашей компании, все будут знать, какое ты чмо. Вижу, пока всё понятно?

— Понятно.

— Ну, давай, малыш, за дело.

Когда Матвей вернулся в кабинет, рядом с его рабочим столом уже сидел бородатый мужик, напоминавший видом то ли лешего, то ли домового. Странно, что из бороды этого чудака не торчала солома или, например, вермишель.

— Меня зовут Альберт Николаевич. Позже станешь звать меня Альберт. Я скажу, когда можно будет. Слушай. Клиент — компания «Пропаганда М», директор Синицын. Но это можешь не записывать. С директором ты не будешь общаться. Ты будешь общаться с Машей. Ей за пятьдесят. Ей давно за пятьдесят, понимаешь?

— Что здесь не понять.

— Пропала «Пропаганда». Просто запомни, её надо звать Маша, тогда она всё сделает, как тебе надо. Но она настаивает, чтобы к ней обращались «Мария Ивановна». Не ведись. Зови Маша. Так надо, просто поверь на слово. Делай вид, что забыл. Делай вид, что она тебе разрешила. Придумай что-нибудь, боец. Если назовёшь по имени-отчеству, откатишься в конец очереди. Если назовёшь Машенька — перестанет разговаривать и никогда больше не ответит на твой звонок.

— Откуда сведения?

— Ты дурак? Я тебе отдаю клиента, с которого компания в месяц получает пятьсот долларов, а я лично — пятьдесят. Маша раз в месяц платит мне пятьдесят долларов, их я сейчас отдаю тебе, и ты думаешь, я тебя разыгрываю или обманываю?

— Вероятность существует.

Альберт Николаевич посмотрел на Алёну.

— Алёна, парень дурак?

— Да, не обращай внимания.

Альберт Николаевич встал, посмотрел на Матвея сверху вниз, вздохнул и громко сказал: «Следующий!»

— Привет, незнакомец. Меня зовут Саша. Я работаю здесь четвёртый месяц и хорошо помню, как я переживала это всё. Что ты делаешь после работы, милый?

— Не знаю пока. Меня Матвей зовут.

Отдел продаж взорвался смехом. Было слышно, как кто-то упал со стула. Кто-то трубил встречный марш. Но преобладал гогот. Саша, подперев голову одной рукой, не отрываясь смотрела на Матвея. Вдруг она подняла свободную руку вверх и резко опустила её. Смех мгновенно стих. Сотрудники вернулись к своим делам. Матвей посмотрел на Алёну. Та вытирала слёзы смеха и, сверяясь с записью в базе, набирала телефонный номер клиента. Матвей снова посмотрел на Сашу. Моложе Матвея, маленькая, светленькая, с аккуратными чертами лица. Практически без косметики.

— Лучшее, что ты можешь сделать сегодня вечером — выучить наизусть всё, сказанное мной, — Саша посмотрела на него в упор. — Ты не записываешь? Память хорошая?

— Я вот здесь пометки делаю.

— Пометки. Ладно. Помечай. Компания называется «Авторазгон».

— «Авторазгон»?

— Да.

— Прикольное название.

— Причёска у тебя прикольная. У моего первого такая же, только он лысый был. А это название компании, которая, если ты не просрёшь, будет тебя кормить, как до сегодняшнего дня кормила меня.

— Понял.

— Директор — Исмаилов Иса.

— Иса?

— Да. Звонить ему надо после шестнадцати-семнадцати часов. До этого времени он никогда не разговаривает и мо-

жет трубку просто не взять. Когда позвонишь ему в первый раз, скажи, что Сашу наказали, забрали всю клиентскую базу и раздали сотрудникам. Никого ей не оставили. Он скажет, что не будет ни с кем работать, кроме меня. Ты ему объясни, что я плакала и билась в истерике, но Петрович был непреклонен, и я теперь нарабатываю новую базу. А в память о том, что у нас с ним было, он должен продолжить работать с нашей компанией. Скажи, что я буду узнавать обо всех платежах, и буду радоваться каждому из них. Не выставляй ему счета меньше трёхсот долларов, он не знает, что у нас есть модули дешевле трёхсот. Понял?

— А что у тебя с ним было? Петрович сказал...

— Юноша, когда у нас с тобой что-то будет, а я чувствую, будет, ты захочешь, чтобы я рассказывала об этом следующему?

— Звучит отвратительно.

— Не задавай вопросы, на которые не хочешь знать ответа. Следи за мыслью.

Саша встала, потянулась, взъерошила Матвею волосы и громко сказала: «Следующий!»

— Ну, как ты? Меня зовут Сом. Сергей Олегович Мирошников. СОМ.

— Меня зовут — Эй, Малыш, Красавчик, Милый и Человек без имени.

— Я знаю. Не бери в голову. Так надо. Потом, бог даст, поймёшь, а если Он любит тебя, то просто забудешь. Клиент. Строительная компания. Строит коттеджи. Такие, знаешь, для среднего класса. Называется компания «Ясно. Поляна».

— Ясная поляна?

— Нет, ясно, точка, поляна.

— Они о чём думали?

— Думаю о том, чтобы легко было запомнить. Ты запомнил?

— Да.

— Что и требовалось доказать. Контактное лицо — Снежана. Все вопросы будешь обсуждать только с ней. Они уже лет пять у нас публикуются, но каждая публикация согласовывается и оформляется отдельно. Рамочный договор они заключать отказываются.

— Рамочный?

— Алёна, юноше нужен ликбез по нашему документообороту.

— Будет сделано, Сом, — ответила Алёна, не отрываясь от компьютера.

Сом положил свою руку на руку Матвея. Наклонился с очевидным желанием сказать что-то на ухо. Матвей подался навстречу Сому, ожидая, впрочем, и какой-то очередной гадости.

— Снежане нужны деньги. Но она боится об этом говорить прямо. Как только ты завоеешь доверие, и как только она возьмёт от тебя первый конверт, считай, дело сделано. Сначала она будет соглашаться на рекламу в пределах двухсот-трёхсот долларов, потом, когда вы с ней перейдёте на «ты», меньше тысячи платежа не будет.

— Я чёт не совсем въехал.

— Я подгружу недостающее, Сом, продолжай, пожалуйста, — подала голос Алёна.

— Короче, ты понял.

— Вообще-то, нет, но Алёна подгрузит, обещала.

К Матвею подошли все сотрудники отдела, и каждый передал по одному клиенту. Эти клиенты были «живыми», то есть они покупали рекламу и платили деньги. Теперь Матвею оставалось только одно — не облажаться. Сделать так, чтобы сделки заключались снова и снова. Тогда он станет в этом коллективе своим. Если он сможет продавать этим клиентам больше, то завоеует уважение.

Матвею было интересно, удалось ли кому-то из новичков увеличить продажи сразу после получения такого подарка.

Матвей поставил себя на место коллег. Что, если бы он работал здесь пару лет и имел свою клиентскую базу, и однажды появился новичок, которому надо отдать одного из своих кровно заработанных клиентов? Отдавать хорошего клиента жалко. Держать у себя в базе клиентов, которого не жалко отдать? Заводить клиента и держать про запас для новичков, которые здесь появляются, похоже, раз в месяц или чаще? Сколько клиентов у каждого сотрудника? Хотя бы в среднем? Надо будет спросить у Алёны.

Время приближалось к семнадцати, и Матвей начал убирать в ящик стола свои записи.

— Домой? — спросила Алёна.

— Да.

— Не торопись, сегодня у нас тренинг. Петрович проводит.

— Надолго?

— Как пойдёт, час-полтора. Подойди со своими записями ко мне.

Матвей подошёл к столу Алёны и положил записи на стол.

— Ты присаживайся, не жди приглашений.

Алёна перебирала листочки, читала записи, шевелила губами, разбирая почерк.

— Если где непонятно написал, скажи — я прочитаю.

— Это всё? — спросила Алёна.

— Да. Они были не очень многословны.

— Кто?

— Коллеги.

— Правда?

— Точно тебе говорю. Название, номер телефона, с кем говорить. Вот, у меня здесь всё записано.